

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

М. Г. НОВЛЯНСКАЯ

ФИЛИПП ИОГАНН СТРАЛЕНБЕРГ

*ЕГО РАБОТЫ
ПО ИССЛЕДОВАНИЮ
СИБИРИ*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1966

Ответственный редактор
доктор исторических наук
М. И. Белов

2-8-1
127-66

ПРЕДИСЛОВИЕ

В результате Северной войны, происходившей между Швецией и Россией с 1700 по 1721 г., особенно после Полтавской битвы (1709), в России оказалось большое количество пленных шведов и в том числе шведских офицеров. Небольшая группа этих офицеров, жившая в городе Тобольске в Сибири, пользуясь той относительной свободой, которая была предоставлена пленным, занялась изучением страны. Вернувшись на родину после 13-летнего пребывания в плену, некоторые из них на основе собранных материалов опубликовали свои работы, содержащие ценные сведения по истории, географии, этнографии, археологии и языкознанию Сибири. Работы были встречены с большим интересом. Но особенно пристальное внимание привлекли и широкий отклик получили труды бывшего пленного шведского офицера Филиппа Иоганна Табберта фон Страленберга, опубликовавшего в 1730 г. карту России и «Великой Татарии» и книгу «Историко-географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии». Новые, не известные в Западной Европе географические открытия, сделанные русскими к началу XVIII в. в северо-восточной Азии, замечательные русские картографические материалы, а также личные наблюдения и исследования, которые легли в основу работ Страленберга, обеспечили тот успех, с которым они были встречены в Западной Европе. Книга Страленберга, выпущенная им на немецком языке, была переведена и издана на английском, французском и испанском языках. Она имела широкое распространение в России и долгое время служила источником ценных сведений о нашей стране для ученых разных специальностей. К сожалению, это до сих пор не

утратившее своего значения произведение не издано на русском языке, равно как не написана еще и научная биография его автора.

Настоящая работа ставит своей целью на основе разрозненных и часто противоречивых сведений, существующих в литературе о Страленберге, с привлечением новых архивных материалов и иностранной литературы дать краткое описание его жизни и деятельности, показать значение его трудов и то место, которое он занимает в истории изучения нашей страны вообще и Сибири в частности.

Автор считает своим долгом выразить глубокую признательность за ценные указания доценту Ленинградского государственного университета Ф. А. Шибанову и немецким ученым Конраду Грау и Гюнтеру Ярошу, любезно оказавшим автору содействие в получении фотокопий писем Ф.-И. Страленберга, хранящихся в архивах ГДР.

ШВЕДСКИЕ ПЛЕННЫЕ В СИБИРИ И ИХ РАБОТЫ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ СТРАНЫ

Северная война, начавшаяся в 1700 г. между Швецией, с одной стороны, и Россией и ее союзниками Данией и Польшей — с другой, была вызвана, как известно, крайним обострением противоречий в области экономических и территориальных интересов воюющих стран. Желание России какой бы то ни было ценой добиться ставшего жизненно необходимым для нее выхода в Балтийское море и вернуть свои исконные, насильно отторгнутые у нее земли в Прибалтике столкнулось с не менее упорным стремлением Швеции сохранить свои завоевания и безграничное господство в Балтийском море. Опустошительная и кровопролитная война продолжалась более 20 лет. В первые годы военное счастье было на стороне шведов. 18-летний шведский король Карл XII, обнаружив недюжинные способности полководца, с молниеносной быстротой справился с Данией и принудил ее выйти из войны. Одержав в ноябре 1700 г. победу над русской армией, осаждавшей Нарву, он после ряда побед к 1704 г. овладел Польшей, а затем, вторгшись в пределы Саксонии, где укрылся польский король и курфюрст Саксонский Август II, заставил последнего заключить мир и отказаться от союза с Россией.

В июне 1708 г. Карл XII вступил в пределы России. Первое крупное столкновение шведов с русской армией произошло в ночь с 3 на 4 июля под Головчином. Победа была на стороне шведов, но, по словам шведского историка Кнута Лундблада, «Головчин оказался тем местом, над которым в последний раз взойшла звезда счастья

Карла XII» [41, стр. 512]. Дальше короля и его армию ждали долгий и изнурительный поход по лесным топям и болотам Белоруссии, по безлюдным и опустошенным дорогам Украины, непрестанные мелкие, но изматывающие нападения русских, разгром армии Левенгаупта у деревни Лесной, гибель его обоза с провиантом и с наступлением зимы жестокие морозы и голод. В конце концов все это завершилось катастрофой — страшным поражением 27 июня 1709 г. под Полтавой. Карл XII бежал в Турцию, а его разгромленные войска с позором капитулировали 30 июня в Переволочной, где русские захватили в плен около 16 тыс. человек.

Вначале пленные были отправлены в Смоленск, Муром, Владимир, Киев, Арзамас, Астрахань, Севск и другие города, где уже находилось немалое их число, захваченное с 1702 г. в сражениях, происходивших в Лифляндии, Курляндии, Польше, Литве и Финляндии. Но вскоре было принято другое решение: все пленные числом 22 тысячи были свезены в Москву, где в декабре 1709 г. с особой пышностью была отпразднована Полтавская победа [41, стр. 767].

Во время пребывания в Москве некоторые пленные шведские офицеры имели случай познакомиться и даже сблизиться с жившими в Москве немцами, в том числе с пасторами немецкой слободы Ролофом, Шаршмидтом, Эберхардом и другими, которые лично и через своих прихожан постарались облегчить тяжелую участь пленных, оказав им некоторую помощь деньгами, лекарством, бельем, платьем и шубами.

Уже с конца 1710 г. пленных стали постепенно выводить из Москвы и размещать по городам Астраханской, Казанской, Архангелогородской и других губерний, так что к апрелю 1711 г. «всею свезен в Москве» осталось 906 человек [22, стр. 30], преимущественно офицеров генерального штаба и обер-офицеров. Когда же весной 1711 г. в Свияжске и Казани был раскрыт подготовлявшийся пленными побег, то около 9 тыс. пленных, включая унтер- и обер-офицеров, были отправлены в Сибирь [62, стр. 8]. В Сибири нижние чины использовались на всякого рода строительных работах, на заводах и в рудниках, а офицеры и чиновники были расселены по крупным сибирским городам. Основная масса пленных офицеров — около 1000 человек — была сослана в Тобольск.

Тобольск, основанный в 1587 г. и ко времени прибытия туда пленных вступивший уже во второе столетие своего существования, был главным административным и экономическим центром обширной Сибирской губернии, учрежденной Петром I в числе прочих восьми губерний в 1708 г. Расположенный на правом берегу Иртыша, недалеко от впадения в него реки Тобола, город делился на две части. В верхней части, лежащей на высоком крутом берегу Иртыша, находились крепость, губернская канцелярия, дом губернатора, гостиный двор, несколько церквей, монастырь и дома обывателей. Нижняя часть города, расположенная между рекой и высоким берегом, была заселена главным образом татарами. Верхняя часть города страдала от недостатка воды, нижняя — от наводнений. Город был сплошь деревянным, что было одной из причин частых и опустошительных пожаров. Обе части города соединялись тремя дорогами, которыми можно было пользоваться только зимой и иногда летом, потому что весной из-за чрезвычайно глинистой почвы там стояла непроходимая грязь, не просыхавшая даже летом [52, стр. 157].

Тобольск был резиденцией сибирского губернатора и митрополита. В начале XVIII в. в нем насчитывалось от 12 до 13 тыс. жителей [29, стр. 46]. Это был оживленный экономический и торговый центр, куда приезжало много купцов из Средней Азии и других стран и доставлялся ясак из городов Сибири.

Первый сибирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин был ловким и энергичным дельцом. Несмотря на ходившие слухи о допускаемых им злоупотреблениях и хищениях государственной казны, он сумел списать расположение Петра I и после успешного завершения работ по строительству шлюзов, предназначавшихся для соединения Волги с Доном, добился в 1707 г. назначения на пост коменданта Москвы, а затем на пост сибирского губернатора. Свое пребывание на этом посту он ознаменовал проведением ряда мероприятий по благоустройству Тобольска. Так, по его распоряжению крепость была обнесена каменной стеной и в ней построены каменные здания (губернаторский дом и губернаторская канцелярия), была вымощена главная улица и проведены большие работы по сооружению канала, с помощью которого устье Тобола было отведено версты на три выше города, так как считалось, что быстрое течение Тобола подмывало и разру-

шало противоположный высокий берег, на котором стоял город. Проведение этих работ преследовало двоякую цель: привести в порядок город и дать работу шведским пленным.

Хотя жизнь в Тобольске была удивительно дешевой и, по свидетельству И.-Г. Гмелина, «простой человек мог хорошо жить на 10 рублей в течение года» [52, стр. 189], тем не менее пленные, особенно нижние чины, находившиеся «на государственном корму» и получавшие по 2 деньги, т. е. по одной копейке на человека в день, и по полтора четверика ржи на месяц [22, стр. 30], владели жалкое существование. Пленные офицеры тоже в большинстве были люди необеспеченные. Из 1000 офицеров, поселившихся в Тобольске, 800 человек, по словам современников, не получали никакой поддержки из Швеции и не имели никаких средств к существованию. Единственным выходом из положения было подыскание какой-либо работы. Та относительная свобода, которая была предоставлена пленным, позволяла им заниматься всякого рода ремеслами и промыслами, торговать, работать и служить, а также принимать участие в снаряжаемых русским правительством дальних военных и научно-исследовательских экспедициях. Так, в 1714-г. по распоряжению царя Гагарин отправил в Охотск несколько шведских пленных матросов и корабельных плотников во главе со штурманом Генрихом Бушем; они построили там морские суда, с помощью которых было установлено сообщение морем между Охотском и Камчаткой. В том же 1714 г. несколько шведских инженеров сопровождало подполковника И. Д. Бухгольца, который по указанию Петра I должен был построить крепость в верховьях Иртыша и на Ямышевом озере и проверить сообщение Гагарина о «песочном золоте», якобы находимом в Аму-Дарье близ города Яркенда. Четверо шведских пленных ездило с посольством Л. В. Измайлова в Китай. Один швед принял участие в походе майора И. М. Лихарева на озеро Зайсан.

Среди пленных офицеров нашлось много искусных ремесленников. «Просто удивительно, — пишет автор „Das veränderte Russland“, — какими разнообразными путями изыскивали эти люди свое пропитание и каких успехов добились они в своих ручных изделиях, которые продаются по всей России... Я видел в Москве работы

живописцев, серебряных и золотых дел мастеров, кузнецов, токарей, столяров, сапожников и портных, и лучшие мастера находили их безупречными» [62, стр. 51]. Пользуясь поддержкой князя Гагарина, некоторые пленные организовали небольшие мастерские, в которых изготовляли всякого рода вещи из серебра, мамонтовой и моржовой кости (кошельки, табакерки, шкатулки, охотничьи ножи и т. д.). Эти изделия находили большой спрос в самом Тобольске. Более дорогие вещи, как серебряные сервизы, расшитые золотом и серебром ткани и чепраки, отсылались в Москву для продажи. Одним из главных и постоянных заказчиков был сам Гагарин, о богатстве и роскоши убранства дворцов и пышности пиров которого в Москве и Тобольске рассказывали легенды. Сами пленные на личном опыте имели возможность убедиться в широте натуры этого русского вельможи, который еще в бытность свою комендантом Москвы, празднуя в декабре 1709 г. Полтавскую победу, выставил перед своим домом для народа и шведских пленных много бочек с вином, водкой, медом и пивом, поил и кормил их в течение трех дней. Один из современников Гагарина, горный инженер Блюер, побывавший в Сибири и лично знавший Гагарина, утверждал, что его «боготворили» в Сибири за щедрость и доброту и что в бытность свою сибирским губернатором он роздал пленным более 15 тыс. рублей. И надо думать, что во всех этих рассказах не было особого преувеличения, так как Гагарин с такой же легкостью тратил деньги, с какой он черпал их из государственной казны, за что впоследствии и поплатился жизнью. Он был обвинен во взяточничестве и хищении казенных денег и 16 марта 1721 г. повешен.

Пленные офицеры, которые не обладали талантами и не знали никаких ремесел, торговали вином и хлебом, открывали трактиры, нанимались на службу к русским управляющими или просто слугами, давали уроки немецкого языка или музыки, а один лейтенант организовал в Тобольске кукольный театр, просуществовавший, правда, недолго, но имевший большой успех у тобольских жителей, которые никогда ничего подобного не видели.

Среди пленных было много семейных: по большей части немецкие чиновники и офицеры, взятые в плен в Прибалтике и сосланные в Сибирь с детьми и женами, изъявившими готовность следовать за своими мужьями.

Дети этих пленных росли без присмотра и обучения, потому что немецких школ в Тобольске не было. По желанию родителей один из пленных — капитан Курт Фредерик Врех — открыл в Тобольске школу для шведских и немецких детей. Эта школа приобрела широкую известность не только в Тобольске и Москве, но даже и за границей. Объясняется это тем, что, основав ее на принципах сильно распространившегося в это время в Германии богословского учения, известного под именем «пиетизм» (от латинского *pietas* — благочестие), Врех неукословно проводил в своей педагогической деятельности идеи одного из основоположников этого учения — проф. А.-Г. Франке.

В начале XVIII в. пиетизм проник и в среду немцев, живших в России. Насаждали его в Москве пасторы Немецкой слободы, которые при появлении шведских пленников одновременно с оказанием им материальной помощи позаботились снабдить их и книгами религиозного содержания. Знакомство с этой литературой, а затем регулярная переписка с пиетистами сыграли решающую роль в жизни Вреха, превратив его в убежденного и деятельного сторонника этого учения.

Капитан Врех попал в плен 15 февраля 1709 г. в сражении под деревней Рашевкой. Сначала вместе с другими шведскими пленными он был отправлен в Севск, оттуда в Москву, а из Москвы в 1711 г. выслан в Хлынов (Вятка, в настоящее время г. Киров), а затем в Тобольск.

Вскоре по приезде в Тобольск Врех по просьбе одного бедного ротмистра взял на воспитание его сына и тем самым положил начало будущей школе. Преодолевая большие трудности и препятствия, школа развивалась хотя медленно, но неуклонно: если в первые годы она насчитывала не больше 10—15 учащихся, то в 1721 г., когда после заключения мира между Россией и Швецией она была закрыта, в ней уже числилось учеников вместе с преподавателями и обслуживающим персоналом 139 человек. Преподаватели — пленные офицеры — работали в школе бесплатно, а обслуживающий персонал — за получаемое в школе питание. Учеников обучали чтению, письму, арифметике, немецкому и латинскому языкам, географии и рисованию. Но подавляющее количество времени отводилось преподаванию «священной истории», беседам на религиозные и нравоучительные темы, чтению

книг духовного содержания, молитвам и пению псалмов. Преподавание велось на немецком языке, но в школе, кроме детей пленных немцев и шведов, были, правда в небольшом числе, русские, украинцы, даже один монгол и один тунгус.¹ Более половины учеников жило в школе на полном пансионе, остальные, живя у родителей, лишь посещали занятия и столовались там. При школе была организована больница для больных и престарелых пленных, в которой в течение четырех лет пользовались бесплатно приютом и лечением 74 человека.

Существовала школа главным образом за счет платы, вносимой состоятельными родителями за обучение детей, но так как среди учеников было много сирот и детей неимущих родителей, то очень часто финансовое положение школы было настолько тяжелым, что не раз стоял вопрос о ее закрытии. И всегда выручали пожертвования, время от времени поступавшие от разных лиц из Москвы и из-за границы, в частности от Франке.

После заключения Ништадтского мира Врех закрыл школу и вернулся к себе на родину, в Пруссию. В 1725 г. он выпустил в свет книгу «Wahrhaffte und umständliche Historie von denen Schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien...» (Правдивая и обстоятельная история о шведских пленных в России и Сибири...). В книге в форме дневника изложены события из жизни школы, ее учебная программа и распорядок дня, а также переписка капитана Вреха с Франке, с немецкими пасторами и шведскими пленными по вопросам религии и филантропической деятельности.

Несколько раньше, в 1718—1721 гг., во Франкфурте и в Лейпциге появилась аналогичная по содержанию книга, изданная пастором Х. Эберхардом под псевдонимом Алетофилуса и под заглавием «Der Innere und äussere Zustand derer Schwedischen Gefangenen in Russland, durch ihre eigene Brief etz getreulich ans Licht gestellt von Aletho-phil» (Внутреннее и внешнее состояние шведских плен-

---

¹ Тунгусы — устарелое наименование эвенков. В дальнейшем встретятся еще некоторые устаревшие названия народностей, а именно: остяки — в настоящее время ханты, кеты, селькушы; самоеды — ненцы, энцы; ламуты — эвены; гиляки — нивхи; качинцы — хакасцы; вогулы — манси; черемисы — марийцы; вотяки — удмурты; курилы — айны; камчадалы — ительмены; киргизы — казахи.

ных в России, достоверно воспроизведенное по их собственным письмам Алетофилусом). По существу это изложение того же материала (но без указания имен и фамилий), который в 1725 г. был более подробно опубликован Врехом.

Несмотря на преобладание в книге Вреха тем религиозного характера, в ней встречаются интересные исторические сведения и материалы по географии и особенно этнографии: описание религиозных представлений остяков [65, стр. 179—180], сделанное лейтенантом Мартином на основании сведений, собранных им по дороге из Тобольска в Томск в июне 1714 г., и письмо Ф.-И. Страленберга, тоже касающееся остяков, по содержащее более подробное описание не только их религиозных представлений и обрядов, но и их нравов, жилищ, одежды и т. д. Сведения, изложенные в письме Страленберга, были получены им от шведских пленных, переведенных в 1714 г. в Томск [65, стр. 181—186].

Среди пленных было много образованных людей с солидными знаниями в области математики, истории, географии, лингвистики, археологии, картографии и т. д. Некоторые из них поэтому воспользовались своим пребыванием в Сибири для ее изучения. Они разыскивали древние рукописи и собирали всякого рода достопримечательности, имевшие историческое значение, изучали нравы, обычаи, религиозные представления и язык народов Сибири, определяли долготы и широты населенных пунктов, наблюдали затмения небесных светил, интересовались месторождениями полезных ископаемых, собирали материалы по географии Сибири и составляли карты и планы. Многие, как корнет Эннес, прапорщик Пипер, корнет Маллиен, вели дневники своего пребывания в плену. В результате по возвращении пленных на родину в 20—30-х годах XVIII в. появились карты и книги, содержавшие новые, не известные до того времени в Западной Европе сведения о Сибири.

В 1720 г. в виде отдельной брошюры, а затем в 1721 г. в виде статьи в первом томе «Das veränderte Russland» появилась работа капитана Иоганна Бернгарда Мюллера «Das Leben und die Gewohnheiten der Ostiaken eines Volkes, das bis unter dem Polo Arctico wohnt...» (Жизнь и обычаи остяков, народа, живущего почти до самого северного полюса...). Книга состоит из четырех глав. В первой

главе дан краткий очерк географических, климатических и природных особенностей «Сибирского царства» и его истории, в частности приведены сведения о татарских ханах, о Ермаке и присоединении Сибири к Русскому государству, о городах и реках Сибири, о находимых в недрах земли скелетах мамонтов, о каменном масле, а также о происхождении, местах жительства и границах расселения остяков в Сибири. Во второй главе собраны сведения о нравах и обычаях остяков (калым, многоженство и т. д.), о их занятиях (рыбная ловля, охота, оленеводство и торговля), о пище, жилищах и одежде, о нищете и эпидемических болезнях. В третьей главе изложены религиозные представления остяков. В четвертой — дана краткая история обращения остяков в христианскую веру митрополитом Филофеем.²

В течение долгого времени работа Мюллера в Западной Европе была одним из главных источников сведений о далеком сибирском народе — остяках. Уже один тот факт, что статья была переведена на французский язык, говорит об интересе, вызванном ею. Однако она не была оригинальной, так как Мюллер пользовался материалами предшественника, не называя его имени. Этим предшественником был Григорий Новицкий, автор книги «Краткое описание о народе остяцком, иже в пределе полночных царства Сибирского обретается...». Новицкий окончил Киево-Могилянскую коллегию, был казачьим полковником. В 1712 г. был сослан в Тобольск как человек, имевший какое-то отношение к делу Мазепы. Сам он довольно туманно и иносказательно называет себя «странником бедствующим и пришлецом, которого брани смущения междоусобных и времени злоключение предаша неволи» [36, стр. 28]. Новицкий пользовался расположением Гагарина и митрополита Филофея. Он, как и Мюллер, сопровождал митрополита в его поездке по остяцким и вогульским землям. Собранные за время этого путешествия материалы по географии, этнографии и истории края были изложены им в 1715 г. в названной выше работе. Однако это сочинение увидело свет лишь в 1884 г. в «Памятниках древней письменности».

---

² Филофей Лещинский (1650—1727), он же схимонах Феодор, воспитанник Киевской духовной академии, митрополит Сибирский с 1702 г., проповедник христианской религии среди языческих народов Сибири, преимущественно остяков и вогулов.

Финский ученый этнограф Альберт Хэмэляйнен, сопоставляя работы Мюллера и Новицкого, приходит к выводу, что работа Новицкого послужила в значительной мере основанием для книги Мюллера, написанной в 1716 г.: «Даже беглое сравнение этих сочинений между собой доказывает, что Мюллер в своем описании остяков заимствовал большую часть содержащихся в рукописи Новицкого известий» [54, стр. 17]. «Если сравнить работу Мюллера с работой Новицкого, — говорит он дальше, — то придется признаться, что последняя является более исчерпывающей и обстоятельной и что она дает более широкое и подробное освещение жизни остяков, нежели первая». Тем не менее он подчеркивает, «что Мюллер, опубликовав свое сочинение на двух западноевропейских языках, в значительной степени обогатил науку сведениями о восточных народах, и в частности об остяках того времени» [54, стр. 26—27].

В 1720-м, а затем в 1725 г. в Нюрнберге вышла книга о Сибири под заглавием «Der allerneuste Staat von Sibirien, einer grossen und zwar wenig bekannten Moscovitischen Prowinz in Asien...» (Всеновейшее государство Сибирь, большая и ранее малоизвестная провинция в Азии...). После краткого изложения общих сведений о Сибири, о происхождении самого имени «Сибирь», протяженности ее территории и истории ее присоединения к Московскому государству, о дорогах из Москвы в Сибирь, об административном подразделении и управлении этой обширной провинции автор, имя которого осталось неизвестным, переходит к описанию гор, животных и растений, рек и озер, сибирских городов и народов (самоедов, вогулов, татар, остяков, тунгусов, бурят, монголов и киргизов). Работа носит компилятивный характер. Черпая сведения подчас дословно и целыми страницами из произведений ряда писателей (Николая Витсена, Избранта Идеса, Арнольда Бранда, Августина Мейерберга, Филиппа Авриля, Пьера Ла Мартиньера, Олеария и других), автор не считает нужным ссылаться на них, полагая, что, перечислив их имена и произведения во введении к своему сочинению, он тем самым освободил себя от этой обязанности. М. П. Алексеев, анализируя содержание книги «Der allerneuste Staat von Sibirien...», писал, что «этнографическая часть ее представляет собой компиляцию, главным источником которой были книги Витсена и известия Ис-

бранта Идеса. В частности, 20-я глава, специально посвященная бурятам, оказывается простым переводом соответственного места из описания путешествия Исбранта» [6, стр. 531]. То же самое можно сказать и о главе 18-й, посвященной остякам и представляющей очень близкий к тексту пересказ известий Избранта Идеса, а со стр. 157 — дословное изложение писем лейтенанта Мартина и Ф.-И. Страленберга, напечатанные в 1720 г. в книге Эберхарда (Алетофилуса) [46, стр. 223—225], а позднее — в книге Вреха [65, стр. 178—186]. Даже заключительная часть книги — «Историческое известие о замечательных приключениях пленных шведов в Сибири, о школе и лазарете, построенном в Тобольске...» — не является новой и оригинальной, так как представляет собой выдержки из книги Вреха. Несмотря на этот существенный недостаток, произведение имело большой успех, обусловленный тем повышенным интересом, с которым стали относиться в Западной Европе с начала XVIII в. к России и особенно к ее обширным и малоизвестным владениям в Азии.

Большое значение имела другая работа, в которой приняли участие пленные шведы и которая вышла на французском языке в Лейдене в 1726 г. под названием «Histoire généalogique des Tatars» (История генеалогии татар). Перевод был сделан с рукописи Абул-гази Баядур хана г-ом D***, и книга издана за счет переводчика.³

С произведением Абул-гази, хорошо известным на Востоке, Западная Европа познакомилась впервые только во второй четверти XVIII в. в указанном французском переводе. Причем сам переводчик, он же издатель, скрывшийся под псевдонимом D***,⁴ в обращении к читателю

---

³ Абул-гази Баядур хан (1603—1663), потомок Чингиз-хана, хивинский хан, писатель и поэт. Свою известность как писатель приобрел сочинением «История генеалогии татар». Это сочинение состоит из девяти глав. Начиная с библейских преданий автор доходит до монголо-тюркских родоначальников. Остановившись подробно на царствовании Чингиз-хана, он переходит к истории монголо-тюркских держав, образовавшихся из распавшихся на части владений Чингиз-хана, под властью его потомков, и заканчивает свой труд подробным изложением истории Хивинского ханства и правления своего отца Араб Мохаммед-хана. Труд Абул-гази был завершен его сыном Аннуша-ханом, который добил события 1611—1665 гг.

⁴ Имя и фамилия лица, скрывшегося под псевдонимом D***, до сих пор точно не установлены. Некоторые исследователи

указывал, что появлением этого произведения на французском языке читатели обязаны исключительно пленным шведам. «Некоторые из них, — пишет он, — люди просвещенные, купив татарскую рукопись этой „Истории“ у одного бухарского купца, привезшего ее в Тобольск, перевели ее за свой счет сначала на русский язык, а затем с русского языка на различные другие языки. Однако во все эти переводы вкралось бесконечное количество ошибок как по неведению первых переводчиков, так и по недосмотру вторых. Пришлось употребить свыше года для того, чтобы разобраться в этой „Истории“ и привести ее в такое состояние, чтобы она стала доступной читателям». Возможно, что переводчику и не удалось бы справиться с этой работой, если бы, по его словам, ему не была оказана соответствующая помощь и если бы в его руках не оказалось копии с рукописи труда Абул-гази хана, полученной им от одного из тех людей, которые сделали за свой счет ее перевод [55, без пагин.]

Появление «*Histoire généalogique des Tatars*» было встречено с большим интересом и похвальными отзывами. Этому в значительной мере способствовало то, что книга была снабжена краткими историко-географическими и этнографическими примечаниями, содержащими самые разнообразные сведения о Великой Татарии и Сибири (о горах и горных цепях, проходящих по их территории, о степях и пустынях, о лесах, реках, морях и озерах, о народах, живущих в этих странах, о их нравах, обычаях, религии, языке, занятиях и т. д.). Попутно сообщались некоторые сведения о соседних странах.

Сведения для примечаний, относящихся к странам Востока и Великой Татарии, были заимствованы автором из самых различных источников. Он пользовался произведениями таких старых, но еще авторитетных писателей, как Марко Поло, Рубрикус и Олеарий, и произведениями

(I. Ch. Brunet. Manuel du libraire et de l'amateur livres..., I. Paris, 1860, p. 19; A.-A. Barbier. Dictionnaire des oeuvres anonymes, t. II, partie 1. 1873, p. 807) считали, что это был голландец Бентинк. Уточняя это не менее загадочное имя, А. И. Андреев предполагал, что Бентинк был младшим сыном Вильяма Бентинка, первого графа Портландского, вместе с Вильгельмом Оранским переселившегося в Голландию. «Этот младший сын назывался также Вильямом, — пишет он, — и, кажется, был автором нескольких литературных произведений на латинском языке» [9, стр. 35].

позднейших писателей, преимущественно второй половины XVII — начала XVIII в., как Ж.-Б. Тавернье, Ф. Бернье, Ж. Тевено, Ф. Пети де ла Круа и др.

Умело сочетая эти разнообразные сведения, автор дал подробное описание народов Великой Татарии (узбеков, туркменов, казахов, калмыков, монголов и др.) и их взаимоотношений с русскими, персами, индусами как в прошлом, так и в настоящем. Попутно он сообщил интересные данные о религии калмыков и монголов, о внешнем виде и внутренней жизни городов Великой Татарии (Хивы, Бухары, Самарканда, Туркестана, Балха, Бадакшана, Ургенча и др.).

При описании Каспийского моря и стран, прилегающих к нему с востока, автор примечаний пользовался сведениями, полученными от пленных шведов, побывавших в этих местах. Так, например, говоря о Карабугазском (Кара-Богаз-Гол) заливе, он пишет: «Один офицер, бывший некоторое время в плену у узбекских татар в стране Хорезм, уверял моих друзей, что он сам был в том заливе на небольшом судне и что его гребцы едва смогли пристать к берегу, так как сила круговорота пучины, находящейся посередине залива, была так велика, что всякий удалившийся хотя бы немного от берега, неминуемо поглощался быстротой круговорота» [55, стр. 648].

Что же касается северной части Азии, т. е. Сибири и ее отдаленных окраин, то достоверные сведения об этих странах начали поступать в Западную Европу в конце XVII в.: «...и этим, — пишет издатель книги в «Обращении к читателю», — мы прежде всего обязаны открытиям русских, потому что без них мы, по-видимому, еще долго оставались бы в прежнем неведении в отношении столь значительной части земного шара» [55, без пагин.]. Однако эти известия были недостаточны, и хотя многие авторы и брались за описание Северной Азии, но так как у них не было постоянных знаний ни о самой стране, ни о народах, ее населяющих, то их сочинения неизбежно содержали в себе такое бесчисленное количество ошибок, что их можно было рассматривать скорее как плод воображения, а не как достоверное описание. Поэтому при составлении примечаний к тексту о Северной Азии и России автору пришлось пользоваться не литературой, а «подлинными записками и достоверными сообщениями всех достойных лиц, побывавших в этих местах» [55, без

пагин.]. Нет сомнения, что к числу последних относились и бывшие пленные шведские офицеры, собравшие большой историко-географический и этнографический материал о Сибири.

Новые данные, почерпнутые из русских источников и полученные через тех же шведских офицеров, легли в основу описания великих сибирских рек (Иртыша, Енисея, Оби), а также Тазовской губы, пролива Нассау, Новой Земли и северо-восточной оконечности Азии. К числу наиболее интересных относится сообщение о существовании прохода из Северного Ледовитого океана в Тихий. «До сих пор, — говорится в примечании на стр. 108, — думали, что Азия соединялась своей северо-восточной частью с Северной Америкой и что вследствие этого было невозможно пройти из Ледовитого моря в Восточное, но со времени открытия страны Камчатки стало точно известно, что Америка не соединяется с Азией, потому что русские суда, идя вдоль берега суши, в настоящее время проходят мимо мыса Святой Нос и приходят на берег Восточного моря, чтобы торговать с камчадалами» [55, стр. 108].

Не ограничиваясь описанием Сибири, автор дает краткие сведения о европейской России и Русском государстве в целом. Отметив плодородие почвы, разнообразие климата и наличие больших судоходных рек и каналов, построенных Петром I, он перечисляет предметы экспорта России (пушнина, юфть, хлеб, сало, пенька, паюсная икра, ремень, поташ, смола, холст, лес, воск, мед, слюда, деготь и т. д.). Удивляясь этому многообразию, он пишет: «Было бы достаточно приложить немного усилий для того, чтобы извлечь пользу из всех этих преимуществ, которыми обладает Россия, и привести ее в такое состояние, когда она могла бы обойтись без всех других государств Европы, тогда как очень немногие государства Европы могли бы обойтись без России» [55, стр. 722—726].

Интересны впечатления автора примечаний о знакомстве с русским народом: «Ни в одном европейском государстве нет таких статных, проворных и смышленных мужчин, как русские крестьяне. Они небольшого роста, но хорошо сложены и плечисты». Далее, отмечая, что русские крестьяне превосходят всех других не только своим внешним видом, но и умом и изобретательностью, он пишет: «Я часто с восхищением наблюдал, с какой лег-

костью они копировали инструменты и машины, раньше ими никогда не виданные. . . Кроме того, они очень предприимчивы и изобретательны, так что не упустили бы случая давно уже выбраться из нищеты, в которой пребывает большая их часть, если бы не знали слишком хорошо, что все, что бы они ни сделали для этого, все равно не поможет им и приведет только к обогащению их господ и хозяев. Именно отсюда и исходит эта великая русская лень, в которой их обвиняют, тогда как, в сущности говоря, они отнюдь не ленивы, когда знают, что то, что они заработают, останется им». Отмечая удивительную стойкость русских крестьян, он пишет: «Русский крестьянин, если только он решил молчать по поводу чего-либо, не заговорит даже в том случае, если ему отрубят одну за другой руки и ноги». Далее автор приводит страшные примеры этой поразительной стойкости, которые ему пришлось лично наблюдать в бытность в Москве [55, стр. 679—680].

Интересны сведения об историческом прошлом и современном быте и жизни украинских, донских и яицких казаков, об их численности и взаимоотношениях с русским правительством. Источники, которыми пользовался автор примечаний, за исключением книги «Description de l'Ukraine» французского военного инженера Гильома Боплана, были русского происхождения. Наконец, следует отметить еще большую осведомленность автора примечаний в вопросах политических взаимоотношений России с соседними странами. По-видимому, часть этих сведений была получена из официальных русских источников неофициальным путем, возможно, через иностранцев, состоявших на русской службе.

«Histoire généalogique des Tatars» получила широкое распространение за границей и была встречена похвалами в либеральных кругах русского общества и порицанием со стороны его консервативных представителей. В Академии наук книга была переведена на русский язык, и выдающийся русский историк и географ В. Н. Татищев пользовался этим переводом для своих работ; отзываясь с большой похвалой о собранных в книге материалах, он отмечал, что «примечания, сочиненные шведом, частью от незнания, частью от пристрастия, неправы и нам лживыми оскорблениями наполнены» [7, стр. 255].

В русской печати книга появилась только в 1768 г. в переводе Тредиаковского под заглавием «Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописных татарских книги, сочинения Абулгачи Баядур хана и дополненная великим числом примечаний достоверных и любопытственных о прямом нынешнем состоянии Северных Азии с потребными географическими ландкартами, а с французского на российский в Академии наук». Небезынтересно отметить, что французский текст примечаний в русском переводе значительно сокращен. В числе прочих была выпущена и приведенная выше цитата о русских крестьянах.

Книга «*Relation de la Grande Tartarie, dressée sur les mémoires originaux de Suedois prisonniers en Sibérie. . .*», Amsterdam, 1737 (Описание Великой Татарии, составленное по подлинным известиям шведских пленных в Сибири. . ., Амстердам, 1737), являющаяся не чем иным, как перепечаткой собранных воедино примечаний из «*Histoire généalogique des Tatars*», ничего нового не дает и поэтому интереса не представляет.

В 1725—1727 гг. в Голландии были напечатаны три географические карты. В 1725 г. в Амстердаме вышла «*Carte nouvelle de tout l'Empire de la Grande Russie dans l'Etat ou il s'est trouvé à la mort de Pierre le Grand, dressée sur des observations toutes nouvelles et dédiée à l'immortelle mémoire de ce Grand monarque* (Новая карта Великой империи Российской в том состоянии, в котором она находилась после смерти Петра Великого, составленная на основе совершенно новых наблюдений и посвященная бессмертной памяти этого великого монарха). В 1726 г. в Лейдене в качестве приложения к «*Histoire généalogique des Tatars*» была напечатана «*Carte nouvelle de l'Asie Septentrionale dressée sur des observations authentiques et toutes nouvelles*» (Новая карта Северной Азии, составленная на основе достоверных и совершенно новых наблюдений). Наконец, в 1727 г. в виде приложения к VIII тому «*Recueil des voyages au Nord*» вышла карта «*La Russie Asiatique, tirée de la carte donnée par ordre du feu Czar*» (Азиатская Россия, напечатана по карте, составленной по приказу покойного царя).

Все эти карты отличались друг от друга только размерами изображаемой территории, оформлением и наличием большего или меньшего числа надписей. Наиболее пол-

ной и лучше оформленной из них была карта 1725 г. Изображения некоторых географических объектов (Каспийского моря, Камчатки, Чукотки, Тазовской губы и др.) свидетельствовали о том, что в основу карт были положены русские источники. Об этом же говорили и надписи. Так, на карте 1725 г. к востоку от Чукотки нанесено несколько островов и на самом большом написано: «Пухоходцы. Жители этого острова платят дань русским мехами и шкурами бобров», а в проливе между северовосточной оконечностью и островами — «Русские, приходящие с Лены и других рек к востоку от Лены, проходят здесь на своих судах, чтобы торговать с камчадалами», и т. д.

Все три карты были анонимными, но то обстоятельство, что надписи на них иногда в сокращенном виде, а иногда дословно воспроизводили текст примечаний к «*Histoire génealogique des Tatars*», дало основание современникам считать, что карты были составлены по материалам бывших пленнх шведских офицеров, принимавших участие в составлении примечаний. Так, в письме к Морепа от 25 мая 1729 г. Ж.-Н. Делиль, рассказывая о своей работе над генеральной картой России, в числе источников, которыми он пользовался при этом, называет материалы, полученные от бывших пленнх шведских офицеров. «Это именно от них, — писал он, — мы имеем в настоящее время наилучшие сведения о нынешнем состоянии Северной Азии, как это явствует из примечаний к „*Histoire génealogique des Tatars*“, напечатанной в 1726 г. в Лейдене. Именно по этим материалам шведских офицеров в 1725 г. была издана „*Carte nouvelle de tout l'Empire de la Grande Russie...*“, а ее уменьшенная копия была напечатана в 1726 г. в „*Histoire génealogique des Tatars*“. Наконец, в 1727 г. эта же карта появилась в новом издании „*Voyages au Nord*“» [61, стр. 141].

Говоря о картографических работах, нельзя обойти молчанием деятельность шведского сержанта Иоганна Густава Рената. Взятый в плен под Полтавой, он был отправлен вместе с другими пленными в Тобольск. В 1716 г., желая принять участие в экспедиции И. Д. Бухгольца, находившегося в это время в Ямышевской крепости, он присоединился к направлявшемуся туда отряду, но по пути был взят в плен калмыками, нападшими на отряд. По словам Г.-Ф. Миллера, он научил калмыков

плавить железную руду, лить пушки и бомбы, был командующим их войсками, обучил их книгопечатанию и организовал им типографию [30, стр. 109—111]. В 1733 г., вернувшись в Швецию, он привез две карты, изображавшие западную часть Центральной Азии: одна — от Хамона на востоке до Самарканда на западе, а другая — от Улан-Батора до Турфана. Ренат сделал копию с первой карты. К сожалению, она затерялась в архивах и не была опубликована и практически использована, тогда как в противном случае, по словам А. И. Макшеева, в течение целого столетия она была бы лучшим изображением этой территории [30, стр. 116].

Наконец, в 1744 г. в Стокгольме была напечатана работа капитана Иоганна Шнитшера «*Verättelse om Aju-skinska Calmuckiet*» (Известие об Айюкинской Калмыкии). Капитан Шнитшер сопровождал в 1715—1716 гг. китайское посольство к калмыцкому хану Айюке в Саратов. В его небольшой работе собраны интересные сведения о калмыках, их происхождении, обычаях, религиозных верованиях и обрядах. Примечания к тексту сделаны И.-Г. Ренатом. По словам А. И. Андреева, к книге была приложена карта Джунгарии, составленная Шнитшером [9, стр. 38]. В 1764 г. Г.-Ф. Миллер напечатал на русском языке некоторые извлечения из книги Шнитшера, содержащие описание похорон одного из послов, умершего в дороге [24, стр. 428—440].

В заключение краткого обзора работ, проведенных шведскими офицерами по изучению Сибири и прилегающих к ней стран, следует прежде всего отметить мужество этих людей, которые, невзирая на трудности и тяжелые испытания, выпавшие на их долю во время пребывания в плену, сумели не только поставить перед собою благородную задачу служения науке, но и по мере сил своих выполнить ее. Правда, некоторые работы пленных шведов носили случайный и поверхностный характер, потому что возможности их были крайне ограничены, тем не менее в своей совокупности они не только в значительной мере содействовали расширению и изменению представлений западноевропейских ученых о нашей стране, но и внесли ценный вклад в изучение Северной Азии и Сибири в частности.

Ф.-И. ТАББЕРТ ФОН СТРАЛЕНБЕРГ

Среди пленных шведов, сосланных в Тобольск и проявивших особенное усердие и энергию в изучении Сибири и собирании сведений о стране и населяющих ее народах, находился и капитан шведской армии Ф.-И. Табберт.

Филипп Иоганн Табберт, позднее фон Страленберг, родился в 1676 г. в провинции Померания, в небольшом старинном городе Стральзунде, расположенном на берегу Балтийского моря напротив острова Рюген. Город входил в состав Ганзейского союза и принадлежал к числу наиболее цветущих и оживленных торговых пунктов балтийского побережья. В 1648 г. по мирному договору, заключенному после окончания Тридцатилетней войны, Стральзунд вместе с частью Померании отошел к Швеции.

На основании данных «Родословной книги шведского дворянства» — единственного источника, содержащего кое-какие сведения о родителях Филиппа Табберта, представляется возможным только установить, что отец его, Христиан Табберт, поступил на государственную службу в Стральзунде в 1657 г., в 1663 г. получил должность ландрентмейстера, т. е. казначея, и в этой должности умер в 1693 г. [47, стр. 221]. Мать его, Мария Элеонора, была дочерью богатых и именитых родителей; ее предки по отцовской линии в течение XV и XVI вв. занимали в Стральзунде видные посты в ратуше и в церковном совете кирки св. Николая. Мартин Клинков, отец Марии Элеоноры, был обладателем многих земель и поместий, а ее брат Мартин, получивший от шведского короля дворянство и фамилию Клинковстрём, занимал высокие должности в шведской армии и в правительстве.

Супруги Христиан и Мария Элеонора Табберты имели 11 детей, в том числе трех сыновей. Старший сын их Мартин, начав свою службу в 1690 г. канцеляристом в военной канцелярии в Стральзунде, в 1693 г. после смерти отца занял должность ландрентмейстера Померании.

Два младших его брата, родившиеся в том же Стральзунде, Филипп Юхан (так звали его в Швеции) (1676) и Пер Зигфрид (1680), закончив общее образование, сводившееся к изучению шведского, немецкого и латинского языков, истории и математики, избрали себе, вероятно не без влияния своего дяди полковника Мартина Клиноквстрёма, военную карьеру. Они поступили вольноопределяющимися в шведскую армию: Филипп — в 1694 г. в полк полковника Маклиера, Пер — в 1695 г. в полк своего дяди Клиноквстрёма. В 1697 г. Ф. Табберт в чине младшего кондуктора перешел на строительство укреплений в Стральзунде, а через год в чине лейтенанта — на строительство укреплений в Висмаре. Пер Зигфрид с 1701 по 1702 г. был младшим кондуктором, а затем лейтенантом на строительстве укреплений в Стральзунде.

Начав службу рядовыми солдатами и пройдя основательную военную подготовку в области фортификации и артиллерии, братья Табберты стали опытными и знающими офицерами, в которых государство как раз в это время (ввиду начавшейся в 1700 г. Северной войны) ощущало особенно сильную потребность. Поэтому с самого начала Северной войны братья Табберты оказались в рядах шведской действующей армии и волей-неволей вынуждены были делить все превратности судьбы, которые выпали на ее долю, и в полной мере испытать и торжество победителей, и горечь побежденных.

В 1701 г. Филипп Табберт был переведен на должность квартирмейстера в направляемый на театр военных действий Зюдерманландский полк. В 1703 г. за участие в штурме и овладении крепостью Торн он получил чин капитана. В 1704 г. в тот же полк определяется в чине капитана Пер Зигфрид. 3 февраля 1706 г. оба брата принимают участие в сражении и в разгроме саксонско-польской армии под Фрауштадтом. За храбрость и отвагу, проявленные братьями Таббертами, Карл XII 31 января 1707 г. пожаловал им и их брату Мартину дворянство и фамилию Стралепбергов. В 1719 г. фамилия Страленберг

и ее представители были занесены в Дворянскую родословную книгу под № 1438.¹

27 июня 1709 г. оба брата участвовали в кровопролитном сражении под Полтавой, но им удалось вовремя переправиться на другую сторону Днепра и избежать позорной сдачи в плен под Переволочной. В дальнейшем судьбы братьев сложились по-разному.

Пер Зигфрид последовал за королем Карлом XII в Бендеры и в ноябре 1714 г. вернулся в Стральзунд. В 1715 г. после передачи города Дании он переехал в Швецию, где, пользуясь особым расположением короля, продолжал служить в Зюдерманландском полку. В 1716 г. он участвовал в походе в Норвегию и во взятии Христиании, получил чин майора и был назначен комендантом Мальмэ. Он умер на 62-м году в своем имении в Халланде.

Что же касается Филиппа Иоганна, то он, если верить официальной записи в Родословной книге, хотя и переправился на правый берег Днепра после битвы под Полтавой, но, не найдя среди немногих спасшихся своего брата и думая, что тот остался на левом берегу, вернулся обратно, был окружен русскими и вынужден был сдаться в плен [47, стр. 221].

Эта версия об обстоятельствах, при которых Страленберг попал в плен, встречающаяся в его биографиях [49, стр. 85—86], несколько иначе излагается в письме Мартина Страленберга от 8 января 1724 г. к профессору С.-Петербургской академии наук Г.-З. Байеру: «Мой брат подполковник Зюдерманландского полка после Полтавской битвы вместе с блаженной памяти королем приехал в Бендеры, но после был командирован вместе с другими офицерами в Валахию и попал в Сучаве в плен к русским; он был отправлен в Сибирь в Тобольск и пробыл в плену 13 лет».²

По-видимому, сведения, сообщаемые Мартином Страленбергом со слов Филиппа (через год после возвращения последнего в Швецию), являются более достоверными,

---

¹ Несмотря на то что в течение всего пребывания в России Страленберг продолжал именоваться Таббертом, в дальнейшем изложении, за исключением цитат, мы будем употреблять только фамилию Страленберг, принимая во внимание, что именно под этой фамилией он известен в мировой литературе.

² Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР (в дальнейшем: ЛО ААН СССР), ф. 1, оп. 3, № 8, л. 292.

нежели сведения, занесенные с чьих-то слов в «Родословную книгу шведского дворянства» в 1719 г. в отсутствие Страленберга.

Через некоторое время после сдачи в плен Ф.-И. Страленберг вместе с другими пленными был отправлен в Москву, а оттуда в начале 1711 г. в Хлынов. Летом того же года всех пленных офицеров, в том числе и Страленберга, перевели в Тобольск. Путь был долгим и трудным. Сначала плыли на судах по рекам Вятке и Каме до Соликамска, а затем опять водой по Туре и Тоболу до Тобольска. В партии пленных, с которой следовал Страленберг, был и капитан Курт Врех; с ним Страленберг познакомился еще в Польше, а затем встретился в Хлынове и подружился. Их сблизила общность религиозных взглядов, выявившаяся при совместном чтении и обсуждении книг, полученных Страленбергом от московских друзей и покровителей. В числе этих книг были и некоторые произведения Франке, в частности его «Проповеди» и «Размышления», оказавшие такое решающее влияние на дальнейшую судьбу Вреха.

По-видимому, вначале Страленберг тоже поддался этому влиянию. Этому способствовала та обстановка, в которой находились пленные, трудности и невзгоды, которые им приходилось переживать, удрученное состояние их духа вследствие утраты всякой надежды на скорое возвращение на родину. Однако это увлечение идеями пиетизма было у Страленберга непродолжительным и поверхностным. Не в его характере было беспрестанно устремлять взоры к небу тогда, когда на земле было так много интересных и увлекательных вещей. Его кипучая натура требовала живой практической деятельности. Поэтому легко представить себе Страленберга идущим вместе со своим другом Куртом Врехом и другими товарищами пешком через Уральские горы, чтобы с разрешения коменданта Соликамска раздать причитающиеся им за подводы деньги больным и неимущим товарищам по партии, можно его представить зарабатывающим деньги для этой же цели в качестве гребца на судах, на которых они ехали в Тобольск, но нельзя представить себе Страленберга таким активным последователем и проводником пиетизма, каким стал капитан Врех.

Хотя во время своего пребывания в Тобольске Страленберг и подписывал вместе с капитаном Врехом и дру-

гими офицерами официальные письма, направляемые в Москву и за границу, касающиеся вопросов религии и школы, тем не менее заметного участия в повседневной жизни школы он не принимал. Однако в затруднительных случаях Страленберг неизменно приходил на помощь ее основателю. Так, в мае 1715 г. в Тобольске во время большого пожара сгорел до тла только что выстроенный дом школы. Врех и его ученики остались без крова и средств к существованию, и как никогда остро встал вопрос о закрытии школы. Когда удрученный Врех пришел за советом к своему другу, то Страленберг взялся достать взаймы 40 рублей на постройку нового дома, а Вреху предложил временно переехать к себе. Правда, Врех не воспользовался этим предложением, потому что нашлись более подходящие возможности для выхода из трудного положения, тем не менее он отмечает этот случай как пример великодушия и отзывчивости своего друга [65, стр. 186].

В Тобольск пленные прибыли 26 августа 1711 г. Здесь им было разрешено поселиться на частных квартирах и подыскивать себе работу или службу. По-видимому, в течение 2—3 лет, пока они нашли работу и освоились с городом и его жителями, а жители города, привыкнув к пленным, перестали считать их врагами, жилось им трудно.

На какие средства жил Страленберг в Тобольске, получал ли он какую-либо помощь из Москвы или из Швеции, остается неизвестным. Нет сведений о том, работал ли он или служил там, если не считать его собственного упоминания, что он купил лошадь, чтобы возить зимой дрова из леса, и арендовал небольшой луг для того, чтобы заготавливать для нее на зиму сено [2, стр. 349]. Во всяком случае достоверно известно то, что Страленберг, живя в Тобольске, усиленно работал над составлением карты Сибири.

Собиранием материалов по географии, этнографии и истории Сибири Страленберг стал заниматься с первых же лет пребывания в Сибири. Задача его облегчалась тем, что в Тобольске он имел возможность встретить много людей, могущих сообщить ему ценные сведения и материалы, потому что сюда съезжались люди по своим личным делам и по делам службы, приходили купеческие караваны из Бухары, Ташкента и стран Востока, отсюда

отправлялись на далекие окраины военные и научно-исследовательские экспедиции. Достаточно сказать, что за годы жизни в Тобольске Страленберг познакомился с русским резидентом в Пекине шведом Лоренцом Ланге, автором дневников, содержащих ценные сведения по географии и этнографии Сибири и Китая, трижды побывавшим с 1715 по 1720 г. в Тобольске; с выдающимся русским историком и географом В. Н. Татищевым, приехавшим в Тобольск в 1720 г.; с известным путешественником и исследователем Сибири Д.-Г. Мессершмидтом; с геодезистом Петром Чичаговым, участником экспедиции гвардии майора И. М. Лихарева на озеро Зайсан. Страленберг знал и Григория Новицкого, автора «Краткого описания о народе остяцком», жившего в Тобольске с 1712 г. И, наконец, что оказалось особенно ценным для его работы в области географии Сибири, это то, что ему удалось познакомиться с замечательным русским картографом С. У. Ремезовым и с его чертежами «Царства Сибирского» и отдельных сибирских городов.

Страленберг был иностранец, к тому же еще пленный, поэтому собирание сведений, особенно по географии Сибири, было сопряжено для него с величайшими трудностями. Жители недоверчиво относились к его расспросам и отказывались отвечать на них, думая, что он пытается разведать дорогу, чтобы убежать из плена. Тем не менее за два года ему удалось собрать достаточно материалов для того, чтобы составить карту Сибири. Однако воспользоваться этой картой он не смог. В 1715 г. в Тобольске в ночь с 12 на 13 мая произошел большой пожар. Загорелся и дом, в котором жил Страленберг. Засунув все бумаги и карту в чемодан, он выбросил его второпях в окно. В суматохе чемодан украли, вместе с ним пропала и первая географическая карта Страленберга. «И хотя, — говорит он, — у меня имелись сведения о том, где находится мой чемодан и карта, однако, как пленный, я не осмелился предъявить свои права на эти вещи, опасаясь неприятных для себя последствий. Поэтому я решил совершенно оставить эту работу, которая к тому же была связана еще со всякими издержками» [1, стр. 29]. Вскоре после этого из Москвы от находившихся там пленных фельдмаршала графа Рёншильда, полковника Каульбарса, от друзей и покровителей Страленберга были получены письма с советами и рекомендациями продолжить эту ра-

боту, и он в 1717 г. сделал новую карту на двух листах, намереваясь отослать ее в Москву одному человеку, который обещал напечатать ее за границей и уплатить автору за нее 200 дукатов. Однако Гагарин, узнав об этом, отобрал у Страленберга карту и под страхом своей немилости и ссылки на побережье Северного Ледовитого океана запретил ему не только посылать карту в Москву, но и вообще заниматься картографией. Страленберга удивил этот обрушившийся на него гнев губернатора, так как он знал его как человека, интересовавшегося и поощрявшего такого рода работы. Впоследствии он объяснял это тем, что Гагарину, «взявшему на откуп губернию и хозяйничавшему там в интересах своей личной выгоды, было нежелательно, чтобы в руки царя попала карта, на которой были нанесены детали и в частности были указаны месторождения минералов и т. д.» [2, стр. 102—103]. «Но когда после ареста князя Гагарина, — пишет далее Страленберг, — я получил свободу действия, то я снова составил еще более точную и совершенную карту, нежели две предыдущие». Однако и в третий раз с этой картой случилось то же, что и с двумя первыми. «Я вынужден был, — пишет он, — против своей воли и желания продать ее в России с условием, что деньги за нее в размере 100 дукатов получу в Швеции» [1, стр. 30].

В письме от 24 апреля 1724 г. к д-ру Брейну³ Страленберг более подробно излагает историю своих карт. Оказывается, что после кражи первой карты он изготовил новую в двух экземплярах, причем один из них отличался особой тщательностью оформления и точностью. Пользуясь тем, что только немногие знали о существовании лучшего экземпляра, он отдал Гагарину вместо него худший. Лучший же экземпляр он смог послать в Москву только через полтора года, а так как к этому времени английские купцы, желавшие купить карту, уже уехали, то она осталась в руках пленного статс-секретаря Цедерхильма, который должен был отправить ее в условленное место.⁴

---

³ И.-Ф. Брейн, доктор медицинских наук (1680—1774), основатель Музея естественнoисторических коллекций в Данциге.

⁴ Письма Страленберга к Брейну. — Landesbibliothek. Gotha. Chart B. 789, № 302. Фотокопии писем были любезно предостав-

Отослав последнюю карту в Москву, Страленберг продолжал собирать материалы по географии, этнографии и истории Сибири, а вскоре ему представился удобный случай непосредственно познакомиться с северными и южными районами Западной Сибири в качестве участника экспедиции доктора Мессершмидта.

Даниил Готлиб Мессершмидт (1685—1735), уроженец Данцига (Гданьск), закончил в 1713 г. медицинский факультет университета в Галле, где, кроме медицины, изучал еще зоологию и ботанику. В апреле 1718 г. по приглашению Петра I он приехал в Петербург, откуда через год был направлен в Сибирь для собирания всяких редкостей, лекарственных трав, семян и растений и исследования природы и полезных ископаемых этой страны.

В Тобольске, куда Мессершмидт прибыл 24 декабря 1719 г., он должен был снарядить экспедицию и двинуться во главе ее в глубь страны. Хлопоты по подготовке к дальнейшему путешествию заняли больше года. В первые же дни своего приезда в этот город Мессершмидт познакомился и завязал дружеские и деловые связи со многими шведскими пленными. Общность религиозных взглядов и научных интересов способствовала быстрому сближению его с капитаном Врехом и другими последователями пиеизма. Но особенно большое значение для Мессершмидта имело знакомство с той группой пленных офицеров, которая изучала страну и собирала материалы по ее истории, географии и этнографии. Ко времени его приезда в руках этих людей собралось много ценных сведений, а Страленберг успел уже составить карту Великой Татарии и Сибири и найти и перевести на немецкий язык «Историю татар и жизни и деятельности татарских ханов», написанную Абул-гази Баядур ханом.

Относясь с глубоким уважением и интересом к Мессершмидту и возложенным на него задачам и зная те трудности, с которыми неизбежно должен будет встретиться молодой немецкий ученый, не знающий русского языка, при проведении научно-исследовательской работы в Сибири, Страленберг со свойственной ему отзывчивостью не замедлил поделиться с ним не только опытом, приобретенным в Сибири, но и материалами. В результате

лены автору сотрудником Берлинской академии наук (ГДР) д-ром К. Грау.

в посылке, отправленной Мессершмидтом 25 июля 1720 г. в Петербург в Медицинскую канцелярию, в ведении и подчинении которой он находился, было много вещей, принадлежавших Страленбергу или через него приобретенных. К числу этих вещей следует прежде всего отнести рукопись «Истории татар и жизни и деятельности татарских ханов» Абул-гази Баядур хана,⁵ чертеж и описание Кунгурской пещеры и чертеж «чудского» письма, воспроизведенные Страленбергом в его книге «Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia» [2, стр. 364—367, 372]. Кроме того, через Страленберга Мессершмидт приобрел целую коллекцию русских чертежей Сибири и сибирских городов, представлявших собой копии с чертежей «Служебной чертежной книги» С. У. Ремезова. Несомненно, что Страленберг вместе со своим другом капитаном Матерном принимал участие в составлении и черчении двух географических карт,⁶ тоже отосланных Мессершмидтом в Петербург.

Содержание указанной выше посылки свидетельствовало также и о большой помощи, оказанной Мессершмидту другими шведскими офицерами. В частности, в посылке были чучела птиц, сделанные руками пленных шведов, и рисунки птиц, цветов и костей мамонта, изготовленные капитанами Матерном и Шмидтом.

Нет ничего удивительного, что Мессершмидт, формируя состав своей экспедиции, проявил максимум энергии и настойчивости для того, чтобы добиться разрешения включить в нее двух шведских пленных. Вскоре после приезда в Тобольск он обратился к коменданту города с просьбой дать ему в качестве помощников капитана И.-А. Матерна⁷ и поручика Я. Шенинга, которые, по его

---

⁵ Кроме экземпляра, посланного в Петербург, у Мессершмидта был еще один экземпляр этой рукописи. При составлении в 1725 г. списка своих книг и рукописей он внес в него и рукопись Истории Абул-гази Баядур хана, указав, что она переведена на немецкий язык капитаном Филиппом Иоганном Таббертом (ЛО ААН СССР, ф. 98, оп. 1, № 4, л. 133 об.).

⁶ «Карта путешествия от Москвы до Тобольска» и «Карта истинного положения Сибирской земли с обозначением высоты полюса наиболее значительных городов...».

⁷ Иоганн Антон Матерн, капитан шведской армии. С 1709 по 1722 г. находился в плену в Тобольске. По возвращении на родину продолжал военную службу как специалист в области фортификации и был помощником Страленберга при составлении его карты. Умер в 1768 г.

словам, «изъявили желание служить его царскому величеству» и ехать с ним в экспедицию.⁸ При этом Матерну, обладавшему познаниями в чертежном искусстве и фортификации, он намеревался поручить «математические и физические наблюдения» и зарисовку растений, животных, памятников старины, а Шенингу, до этого заведовавшему хозяйством школы Вреха, собиране и препарирование материалов для естественнонаучных коллекций. Однако тобольская администрация отказала Мессершмидту в его просьбе, но разрешила взять с собой в поездку по тобольским и исетским слободам «хлопца Берента Иоанна Шица для искания трав».⁹

Вернувшись 30 декабря 1720 г. из поездки по тобольским и исетским слободам, Мессершмидт с еще большей настойчивостью возобновил свои попытки добиться разрешения включить в состав экспедиции двух пленных. На этот раз его выбор остановился на Страленберге и унтер-офицере Капеле. Кроме того, Мессершмидт просил губернатора А. М. Черкасского отпустить в экспедицию вместо состоявшего при нем Берента Шица пятнадцатилетнего Карла Густава Шульмана, который умел рисовать и не значился «в росписи с пленниками».¹⁰ На этот раз Мессершмидту разрешили взять в экспедицию именно тех лиц, о которых он просил, или, как было сказано в указе от 27 февраля 1721 г., «шведских арестантов обер-офицера Ивана Филиппова Табберта и ундер-офицера Данила Капеля».¹¹ Был зачислен в состав экспедиции и художник Шульман. Содержание и оплату этих людей Мессершмидт принял на свой счет. «За свой собственный счет, — писал он 20 июня 1721 г. начальнику Медицинской канцелярии Блюментросту, — я взял с собою некоторых из немецких пленных, которые мне помогают также в моих письменных работах, и эта помощь обходится мне не дорого. Я мог бы найти в Тобольске еще больше способных людей, по без особого разрешения привлечь их на работу за государственный счет было невозможно».¹²

---

⁸ ЛО ААН СССР, ф. 98, оп. 1, № 32, л. 9.

⁹ Там же, л. 19.

¹⁰ Там же, л. 24—24 об.

¹¹ Там же, л. 25.

¹² Там же, № 21, л. 131.

По составу экспедиция Мессершмидта была немногочисленна. Кроме самого Мессершмидта, Страленберга, Капеля, которому были поручены обязанности квартирмейстера и снабженца, рисовальщика Шульмана, в нее входили слуга и переводчик Мессершмидта Петер Кратц, повар Андрей Геслер, два русских денщика и русский мальчик для всякого рода работ по собиранию коллекций.

Ранним морозным утром 1 марта 1721 г. экспедиция выехала из Тобольска. Ехали на саях по дороге, идущей вдоль Иртыша до города Тары, затем через Барабинскую степь, мимо озера Убо, до Чаусского острога (позднее переименованного в г. Кольвань). Из Чаусского острога по Оби доехали до села Богородского, а свернув отсюда к реке Томь, путешественники 30 марта прибыли в Томск.

Из Томска Мессершмидт намеревался отправиться через Кузнецк на Енисей, однако вынужден был задержаться здесь более чем на три месяца, так как высокая вода, долго державшаяся в Томи после половодья, затопила берега и дороги, по которым продвигались обычно подводчики, т. е. люди, тянувшие бечевой суда вверх по течению реки. Свое вынужденное пребывание в Томске Мессершмидт постарался использовать для изучения флоры и фауны окрестностей города, для сбора всякого рода сведений по истории, этнографии и географии края. По его просьбе и по распоряжению коменданта всюду по городу были расклеены воззвания, призывавшие жителей помогать Мессершмидту, доставляя ему для коллекции всякого рода птиц, рыб, зверей и насекомых, цветные камни и прочие минералы, вещи, вырытые из могил, и другие редкости. Однако попытки ученого привлечь себе на помощь местных жителей, несмотря на содействие коменданта города, успехом не увенчались. Интересующие Мессершмидта сведения и предметы поступали от местных жителей в столь незначительном количестве, что он вскоре убедился в ненадежности этого способа пополнения коллекций и понял, что ему следует рассчитывать только на собственные силы и на силы своих помощников.

Несмотря на то что в письмах в Медицинскую канцелярию к Блюментросту Мессершмидт неоднократно называл Страленберга своим «помощником по письменной части», на самом деле помощь, оказываемая последним, была неизмеримо существеннее, нежели помощь простого

переписчика. Правда, на обязанности Страленберга лежала переписка разных бумаг и документов на немецком и латинском языках, а также ведение дневника путешествия, в котором он должен был ежедневно записывать состояние погоды и важнейшие события из жизни экспедиции, но его деятельность этим не ограничивалась: он был неизменным помощником Мессершмидта как в научно-исследовательских работах, так и во всех других повседневных делах экспедиции.

Среди живших в Томске пленных Страленберг встретил много друзей и знакомых, которые время от времени сообщали ему интересные сведения. На страницах дневника, записанных во время пребывания в Томске, встречаются самые разнообразные данные, полученные Страленбергом от пленных офицеров: о растениях и целебных травах (зверобое, ветренице, волчьем корне) [57, стр. 87, 88, 92, 95, 98], о народных средствах лечения разных болезней (водянки, гангрены, незаживающих ран, опухолей) [57, стр. 104], о минеральных источниках, соленых озерах, полезных ископаемых (медных и железных рудах, каменном масле, сере, красной глине) [57, стр. 87, 90, 93, 95, 97, 196], о местонахождении ценных археологических памятников [57, стр. 87] и т. д.

Страленберг сам непосредственно собирал всякого рода достопримечательности и сведения по истории, географии, этнографии и археологии. Так, он посетил старейшего татарского муллу Ассиргента в Томске и записал в дневник его рассказ о погребальных обрядах татар [57, стр. 91].

11 мая 1721 г. в дневнике экспедиции имеется такая запись: «Капитан Табберт ходил сегодня с корнетом Иористом к одному художнику по фамилии Ремезов, у которого он видел нарисованную масляными красками карту Томского уезда; он бегло просмотрел ее, но не нашел в ней ничего, что было бы изображено правильно. Впрочем, этот художник хорошо знал живущие в окружности народы. Поэтому капитан Табберт просил его сообщить ему некоторые сведения об этом, на что он согласился» [57, стр. 96].

7 июня излагается беседа Страленберга с одним человеком, который сообщил ему, что население Томска состоит из дворян, сыновей боярских, казачьих детей, посадских, крестьян, ясачных людей и гулящих людей.

Здесь же приведены сведения о численности и обязанностях каждой социальной группы в отдельности [57, стр. 105—106].

За время своего пребывания в Томске Страленберг неоднократно ездил в окрестности города собирать ботанические коллекции, минералы и всякого рода достопримечательности, причем иногда он совершал эти поездки самостоятельно, иногда сопровождал Мессершмидта.

Вместе с Мессершмидтом Страленберг, если позволяла погода, производил астрономические определения широт местности. Для этого они пользовались квадрантом и таблицами склонения солнца, напечатанными в книге Вольфганга Лохмана «Instrumentum Instrumentorum Mathematicorum», вышедшей в 1638 г. в Ростоке. Первое определение было сделано на десятый день после выезда из Тобольска. В городе Таре с помощью квадранта была измерена высота Солнца — $33^{\circ}30'$, а затем по таблицам склонения солнца Лохмана вычислена широта Тары — $56^{\circ}49\frac{1}{3}'$. Допуская, что в определение могла вкратиться ошибка в несколько минут, Страленберг пишет: «Но мы думаем все же, что это определение более или менее правильно, потому что другие, побывавшие в Таре до нас, нашли то же самое. Так, когда господин майор Лихарев возвращался в прошлом году из калмыкской экспедиции, то он распорядился, чтобы сопровождавшие его навигаторы,¹³ следуя вдоль Иртыша, определяли везде высоту полюса, и они нашли, что высота полюса в Таре составляет $56^{\circ}50'$, т. е. разнится от найденной нами на $\frac{2}{3}'$ » [57, стр. 50].

5 июля Мессершмидт, следуя на трех стругах вверх по течению Томи, выехал из Томска в Кузнецк, откуда намеревался через горы Кузнецкого Алатау и Уйбатскую степь добраться до Абаканского острога. Страленберг, проводив его до деревни Томиловой, вернулся в Томск. Здесь ему предстояло выполнить ряд поручений Мессершмидта, а затем, как было условлено, по получении известия о его прибытии в Абакан, выехать туда же.

После отъезда Мессершмидта Страленберг продолжал вести дневник, ежедневно записывая состояние погоды и всякого рода сведения, могущие интересовать ученого.

---

¹³ Геодезисты Петр Чичагов и Иван Захаров.

Кроме того, до наступления заморозков он время от времени выезжал за город и собирал целебные травы, корни и семена.

Получив известие о скором прибытии в Нарым возвращающегося из Китая в Петербург посла Л. В. Измайлова, Страленберг, выполняя данное ему поручение, срочно выехал туда 19 августа для свидания с доктором Белле и некоторыми другими сопровождавшими посла лицами. Поездка оказалась не особенно удачной, потому что Страленберг не смог выполнить поручение Мессершмидта: получить посылку от Лоренца Ланге через Белле и приобрести медного идола, принадлежащего нарымскому воеводе. Доктор Белле никакой посылки от Ланге не привез, а нарымский воевода категорически отказался не только продать, но даже показать своего медного идола. Тем не менее поездка Страленберга не была безрезультатной: он собрал интересные материалы по географии и этнографии Приобского района на отрезке между Томском и Нарымом.

Эти материалы он использовал при составлении своей географической карты, над которой продолжал работать и во время экспедиции, дополняя, исправляя и совершенствуя ее. Так, 12 июля 1721 г. он записал в своем дневнике: «Я нанес на карту все те деревни, которые проехал по берегу Томи» [57, стр. 116].

20 августа, отметив по пути в Нарым обилие разных сортов рыбы в Оби, он писал: «По обоим берегам (Оби) густой, непроходимый кустарник, а за ним дикая пустынная степь. Там и сям в убогих юртах и шалашах по берегу в кустарниках живут татары и остяки, которые подразделяются по родам или волостям, потому что каждая волость имеет свое собственное имя и своего князя или старейшину. Как эти волости называются и в каком порядке располагаются — можно будет найти на карте» [57, стр. 120].

4 ноября в дневнике записано: «Я ежедневно работаю над картой и получил хорошие сведения от одного казака из Кузнецка» [57, стр. 143].

19 октября пришло письмо от Мессершмидта с извещением о прибытии его после двухнедельного путешествия в Абаканский острог. Страленберг начал спешно готовиться к отъезду, но смог выехать из Томска только 29 ноября, имея в своем распоряжении шесть подвод:

одну для себя, три для вещей Мессершмидта и две для двух его денщиков.

Путь Страленберга лежал на восток и юго-восток, но из-за глубоких снежных заносов ему пришлось сделать большой крюк, прежде чем он выбрался к селу Зырянскому на Кие. Следуя вверх по Кие до реки Серть, затем через озеро Барсук-Куль до реки Урюпа, он через Божье озеро и степи выехал к селу Беллык на Енисее и 22 декабря прибыл в Абакан. Здесь он встретил Мессершмидта, Шульмана и тяжело больного Капеля, который вскоре умер.

В Абакане Страленберг принял деятельное участие в археологических работах Мессершмидта. Он собирал сведения о местонахождении могил и памятников древности: о каменной статуе старой женщины на реке Уйбате [57, стр. 171], о черном янтаре, найденном в могильном кургане вблизи реки Теси [57, стр. 172—173], о пещере на реке Джакуль, на стенах которой сохранились древние письма и фигуры людей и животных, а внутри нее много каменных статуй и идолов [57, стр. 172]. 5 и 6 января Страленберг работал на организованных Мессершмидтом в окрестностях Абакана, на берегу Енисея, раскопках могильного кургана [57, стр. 168—170], а 24—25 января ездил на реку Тесь для осмотра стоявшей там большой каменной фигуры [57, стр. 174—175].

16 февраля экспедиция выехала из Абакана в Красноярск. По пути участники экспедиции осмотрели, описали и зарисовали вблизи деревни Новосельцы фигуры и древние письма, нарисованные красной краской на прибрежных утесах [57, стр. 181], а также исследовали две пещеры на берегу Бирюсы [57, стр. 185—186].

Одновременно с этими работами Страленберг продолжал собирать сведения для своей карты, составляя на основе расспросных данных небольшие чертежи. Перед отъездом из Абакана к нему приходил калмык Василий Башковский. На основании некоторых топографических сведений, сообщенных им, Страленберг составил приблизительный чертеж местности, находящейся в верховьях Енисея [57, стр. 178]. В деревне Медведево на берегу Енисея участники экспедиции встретили людей, ездивших в Монголию. На основании их сообщений Страленберг сделал чертеж реки Уды.

По приезде в Красноярск Страленберг был отправлен Мессершмидтом в Енисейск для выяснения и урегулирования некоторых вопросов финансового характера.

Путешествие из Красноярска в Енисейск (туда и обратно) с трехдневным пребыванием в Енисейске заняло 11 дней. За это время Страленберг измерил широту пяти разных пунктов и в том числе широту Енисейска, которая, по его определению, составляла $58^{\circ}44'$.

Общее впечатление от Енисея, полученное за время короткого путешествия из Красноярска до Енисейска, Страленберг выразил так:

«Земля по обе стороны Енисея представляет собою дикую необитаемую степь; это происходит, во-первых, от того, что здесь нет ни одной или если и есть, то очень немногих небольших речушек, которые впадают в Енисей, во-вторых, от того, что берега Енисея повсюду имеют очень высокие и каменистые склоны, вследствие чего ни одна деревня не может быть построена у самой воды. Зато как только горы расступаются, то в низменных или болотистых местах, попадающихся между высокими берегами, можно видеть и деревни, и вспаханные поля, и обнесенные забором сенокосы или луга для скота» [57, стр. 198].

29 марта Страленберг вернулся в Красноярск. Наступающая весна принесла ему радостное известие о скором освобождении из плена и возвращении на родину. Он узнал об этом задолго до официального распоряжения, которое было получено только 23 апреля. В этот день комендант Красноярска вызвал его в Приказ и, прочитав указ о присылке всех шведских пленных, проживавших в разных городах Сибири, в Тобольск, предложил ему отправиться туда возможно скорее. Однако Страленберг, несмотря на предоставляемые ему комендантом подорожную и подводы, несмотря на горячее нетерпение после долгих лет разлуки возможно скорее вернуться на родину и увидеться с родными и близкими, отказался немедленно выехать в Тобольск. Деловые взаимоотношения, связавшие его с Мессершмидтом, чувство долга и дружбы заставляли его терпеливо ждать, пока последний подготовит вещи, предназначавшиеся к отправке с ним (Страленбергом) в Медицинскую канцелярию, и напишет многочисленные письма в Тобольск, Москву, Петербург и за границу.

Наконец, 13 мая, получив от коменданта подорожную и 4 рубля денег на подводы для себя и 1 рубль для сопровождавшего его служилого, Страленберг выехал из Красноярска вместе с Мессершмидтом, который направлялся в юго-западную часть Красноярской провинции, намереваясь исследовать местность, лежащую между реками Абакапом и Енисеем. Их совместный путь лежал на северо-запад к реке Большой Кемчуг. Ехали не спеша. 14 мая достигли реки Качи и остановились. Из-за проливных дождей и боязни испортить вещи двинуться в путь смогли лишь 21 мая. На четвертый день по очень плохой, болотистой дороге они добрались до татарских юрт, расположенных на берегу Терехтьюла, в 10 верстах от его впадения в Большой Кемчуг. Здесь с помощью татар они построили плоты, на один из которых 28 мая Страленберг погрузил свои вещи; вечером того же дня Мессершмидт в дневнике, который до сих пор вел Страленберг, сделал следующую запись: «Сегодня в 5 ч. вечера, после того как я снабдил его подробной письменной инструкцией и письмами ко всем своим корреспондентам, выехал г-н капитан Филипп Иоганн Табберт фон Страленберг вместе с Карлом Густавом Шульманом на плоту из устья Терехтьюла. С горькими слезами простился я с моим честным, набожным, верным и прилежным помощником» [57, стр. 224].

Не удивительно, что отъезд Страленберга глубоко огорчил Мессершмидта. Он потерял в его лице не только умного и образованного человека и друга, общество которого в значительной мере скрашивало его одиночество во время длительного путешествия по чужой, суровой и малоизвестной стране, но и ценного помощника в работах, проводимых им по исследованию Сибири.

Содержание дневника, который неизменно, за очень редким исключением, с 1 марта 1721 г. по 28 мая 1722 г. вел Страленберг, свидетельствует о незаурядной энергии и горячем интересе, вложенных им в дело собирания и изучения материалов, могущих уточнить, исправить существовавшее представление о географии Сибири или пролить свет на историю, быт, нравы, обычаи, религию, занятия, районы расселения ее народов. Собранные Страленбергом сведения и занесенные на страницы дневника являются тем скромным вкладом, который он сделал в работу доктора Мессершмидта, а также и в дело изу-

чения Сибири. К сожалению, дневник остался у Мессершмидта, и Страленберг не смог воспользоваться собранными им сведениями для своих работ.

Простившись с Мессершмидтом, он в сопровождении Карла Шульмана и данного ему в Красноярске проводника отправился в путь на своем плоту вниз по течению Большого Кемчуга. Погода благоприятствовала путешественникам, и Страленберг имел возможность трижды произвести определения широты некоторых пунктов на Большом Кемчуге и послать их Мессершмидту, который с запозданием на три дня ехал вслед за ним. В устье Большого Кемчуга пути Страленберга и Мессершмидта разошлись. Первый направился вниз по течению Чулыма, а затем по Оби по направлению к Тобольску, а второй — вверх по Чулыму до Урюпа и дальше на юг.

О путешествии Страленберга в Тобольск не сохранилось никаких сведений, за исключением нескольких строк, написанных им самим в книге «Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia»: «Когда в 1722 г., получив известие о том, что на севере был заключен мир, я отправился в обратный путь из города Красноярска и расстался с д-ром Мессершмидтом, с которым путешествовал по Сибири, то у меня не осталось больше спутников, кроме одного шведского мальчика лет 14—15. И хотя мне был дан в Красноярске тогдашним комендантом русский проводник, который должен был сопровождать меня до Тобольска, но он сбежал от меня по дороге, и таким образом я вынужден был один с моим юным шведским спутником пробираться через земли, населенные языческими народами» [2, стр. 280]. Следуя вниз по течению Чулыма на своем бревенчатом плоту, Страленберг добрался до небольшой русской крепости — Ургамского острога, где находился казачий караул. «Я рассказал, — пишет он, — казакам о своей беде и о том, что не знаю, как мне быть дальше. Правда, на моем плоту было пять гребцов-татар, но я боялся, как бы и они не исчезли и не бросили бы меня одного на дороге. На это один из казаков сказал, что мне опасаться нечего и что раз я получил уже гребцов, то смогу продвигаться вперед, так как они сами уже найдут себе смену. Но все же он дал мне такой совет: нужно выслать вперед до следующего шалаша или юрты, где должна произойти смена гребцов, одного из пяти гребцов на лодке или в челноке, дав ему

небольшую веревку в палец толщиной с тремя завязанными на ней узлами. Посланный должен сказать, что за ним следует господин, имеющий указ о смене. Я так и сделал и с божьей помощью отправился в путь на своем плоту с оставшимися гребцами. И как только я приближался к месту, где должна была произойти смена, на берегу уже стояли четыре гребца, и я только спрашивал, прибыла ли моя веревка и отправлена ли она дальше, и они отвечали мне утвердительно. И благодаря этой впереди меня следующей веревке я благополучно совершил свое путешествие» [2, стр. 427].

При этом Страленберг отмечает удивительную честность сибирских народов, «татар и язычников», с которыми ему пришлось встретиться на своем пути: «Они не только давали мне гребцов, но никогда не похитили у меня ничего, даже самой мелочи, хотя могли сделать это очень легко, так как я был один и, плывя на плоту, по ночам спал, а они иногда к утру, прежде чем я проснулся, успевали уже 2—4 раза смениться между собой» [2, стр. 280].

Сколько времени продолжалось путешествие Страленберга до Тобольска и когда он туда приехал, неизвестно. Имеются сведения, что он был в Тобольске в половине ноября и в начале декабря 1722 г., а в начале 1723 г., по его собственному свидетельству, был в Москве и вел здесь переговоры относительно своей карты.

Приехав в Москву, Страленберг узнал, что упомянутый выше статс-секретарь Цедерхильм не отправил карту по назначению, а держал ее у себя более полутора лет, «а затем, — пишет Страленберг, — когда наши высокопоставленные лица и он в том числе (не знаю, по какой причине) были переведены из Москвы в другие меньшие города, то он оставил карту в Москве у одного немецкого пастора по имени Роловсен, у которого она и пролежала, вероятно, тоже около года. Но пастор умер, и при описи его имущества присутствовал один богатый купец по имени Петр Мюллер,¹⁴ который, увидев карту, выпросил

---

¹⁴ Петр Меллер, как его звали в России, был сыном голландского купца Вахрамея Меллера, переселившегося в Москву во второй половине XVII в. Он был владельцем двух железоделательных заводов, снабжавших русскую армию оружием в течение всей Северной войны. После смерти отца Петр Меллер продолжал его дело. Он был хорошо известен Петру I и пользовался его ува-

ее у вдовы пастора для просмотра и держал в своих руках до тех пор, пока не был заключен мир и в Москву не привезли обратно наших генералов». Ништадтский мир был заключен 30 августа 1721 г. Следовательно, уже в 1721 г. карта Страленберга находилась в руках П. Меллера.

Вернувшись в Москву, Цедерхильм, по словам Страленберга, не захотел взять карту обратно без соответствующей расписки или оплаты, так как боялся, что с нее могла быть снята копия. В конце концов он заключил с Меллером соглашение на 100 дукатов. Эти деньги были отданы комиссионеру по имени Меландр, который от имени Страленберга дал письменное обязательство, что последний не будет предпринимать в дальнейшем никаких шагов к изданию карты. По прибытии в начале 1723 г. в Москву Страленберг вступил в переговоры с Меллером. «Я сказал г-ну Мюллеру, — пишет он, — что после того, как я сам совершил путешествие в глубь страны, я убедился, что сделанная мною шесть лет тому назад только на основании собранных известий карта во многом является совершенно неправильной и что Каспийское море на ней нанесено в старой форме и очертаниях, а так как мне известно, что собираются произвести расходы по напечатанию этой карты, то было бы жаль выпускать ее в таком виде, тогда как в настоящее время можно было бы издать другую. Однако Мюллер возражал против этого, а так как вышеуказанный комиссар взял с собой в Швецию деньги, а я не был в состоянии тогда достать эту сумму, то должен был оставить это дело».

Подавленный этими неудачами, Страленберг, вернувшись на родину, собирался окончательно отказаться от картографической деятельности, однако различные лица,

---

жением не только как деловой, но и как просвещенный человек того времени. Он много путешествовал и собрал много сведений о посещенных им землях, особенно хорошо были известны ему прикаспийские страны. Меллер был автором карты «Течения рек Яика и Сыр-Дарьи» [9, стр. 22]. Эта карта вошла в состав коллекции карт, переданных Ж.-Н. Делилем в Национальную библиотеку Франции. Там же имеются еще две карты, связанные с именем Петра Меллера. Одна из них называется «Генеральная карта расселения народов в Северной Азии» с указанием, что она является копией, снятой с карты, полученной от купца Петра Мюллера [56, стр. 139], и другая карта, посвящая название «Северная Азия и разделение народов П. Мюллера» [56, стр. 142].

заинтересованные в появлении новой, более точной карты Великой Татарии и Сибири, убедили его все же на основании сделанных наблюдений и собранных им во время путешествия по Сибири материалов исправить чертеж. «Я пошел на это, — пишет далее Страленберг, — так как нашел здесь одного достаточно интересующегося этим делом пленного, путешествовавшего по другой части Татарики, который за соответствующее вознаграждение предложил мне свою помощь. Вместе с ним я постарался насколько возможно лучше привести в порядок чертеж. И даже больше, я вступил по этому поводу в переписку с г. Мюллером. В конце концов мы пришли с ним к соглашению, что при условии оплаты уже полученных 100 дукатов и предоставления ему известного количества экземпляров я могу предпринять эту работу и издать карту».¹⁵

В некоторых биографиях Страленберга, в частности в извлечениях, сделанных в немецком переводе Г.-Ф. Миллером из журнала «Svenska Mercurius» за 1760 г., сообщается, что в Петербурге, куда прибыл Страленберг после своего кратковременного пребывания в Москве, он был представлен Петру I и тот уговаривал его остаться на русской службе, предлагал ему должность управляющего «Землемерной конторой», которую предполагали тогда учредить, и обещал дать ему большой оклад. Но Страленберг, «считая постыдным покидать своего короля и отечество, отказался принять предложение».¹⁶

Сам Страленберг нигде не упоминает о личном знакомстве с царем, а по поводу сделанных ему предложений более скромно пишет, что при возвращении из Сибири в бытность в Москве ему было оказано со стороны высокопоставленных лиц большое внимание и благосклонность, «в особенности со стороны покойного г-на графа и генерал-фельдцейхмейстера Брюса,¹⁷ сделав-

---

¹⁵ Из письма Страленберга к Брейну от 24 апреля 1724 г. — Landesbibliothek. Gotha, Chart B. 789, № 302.

¹⁶ Центральный государственный архив древних актов, ф. 199 Г.-Ф. Миллера, № 240, № 24.

¹⁷ В «Примечаниях на книгу, учиненную г-ом Страленбергом, имянуемую Северной восточной страны Европы и Азии, печатанной в 1730 г.» Татищев указал на допущенную Страленбергом ошибку: «Написал тогда графа Брюса умершим, но сий генерал-фельдмаршал тогда был жив, а умре прошлого 1735 году» [Биб-

шего мне такие предложения, которые, если бы я решил остаться в России, могли бы принести мне немалую выгоду» [2, стр. 197].

В том же 1723 г. Страленберг вернулся в Швецию. 28 августа король Фридрих I пожаловал ему чин подполковника, предоставив ему, однако, вследствие тяжелого финансового положения государства, создавшегося в результате длительной и разорительной войны, должность капитана в том же Зюдерманландском пехотном полку, в котором он получил чин капитана уже 18 лет назад. Обеспечив себе скромное и безбедное существование и придя, как указывалось выше, к соглашению с Меллером по поводу издания карты, Страленберг весь свой досуг и средства посвятил завершению того дела, которое он начал и настойчиво проводил в трудных условиях многолетнего пребывания в плену, — дела составления географической карты России и Великой Татарии и историко-географического описания к ней. В результате этой работы в 1730 г. он напечатал карту «Nova Descriptio geographica Tatariae Magnae...» и выпустил свое широко известное произведение «Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia».

В 1740 г. Страленберг был назначен комендантом крепости Карлсгам и состоял в этой должности до конца жизни. Умер он на 71-м году (в 1747 г.) в провинции Халланд, в имении жены своего покойного брата Пера Зигфрида, куда приехал погостить.

КАРТА РОССИИ И «ВЕЛИКОЙ ТАТАРИИ»

Вскоре по возвращении на родину Страленберг со свойственной ему энергией предпринял шаги по опубликованию своей карты. Однако дело это оказалось далеко не легким, особенно если принять во внимание то, что Страленберг не располагал достаточными средствами. Вначале он тщетно искал человека, который взял бы на себя издержки по изданию его трудов. Убедившись в бесплодности своих поисков, он решил прибегнуть к довольно распространенному в то время способу издания книг путем подписки. 2 ноября 1723 г.¹ он поместил объявление, в котором сообщалось о намерении подполковника Ф.-И. Страленберга выпустить в свет ландкарту Великой Татарии, составленную им во время многолетнего пребывания в русском плену в Сибири на основе совершенно новых материалов, собранных как самим автором во время путешествия по стране, так и полученных в результате переписки с людьми, жившими в наиболее отдаленных областях, побывать в которых ему не удалось. Желающие подписаться на издание этой карты приглашались внести половину ее стоимости (9 талеров в медной монете) по указанным адресам в Стокгольме, Стральзунде, Штеттине и других городах, причем указывалось, что карта будет выдана в течение года со дня внесения второй половины ее стоимости. Желающие подписаться предупреждались, что подписка будет приниматься только до 1 марта 1724 г. Однако подписчики, видимо, не очень торопились, и уже 20 марта 1724 г. появилось новое объявление,² в котором сообщалось, что подполковник

¹ ЛО ААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 8, л. 293.

² Там же, лл. 298—299.

Страленберг продолжает усиленно работать над своей картой и надеется выпустить ее в текущем году и что лица, подписавшиеся на это издание, или же те, которые захотели бы подписаться на него, смогут получить одновременно с картой еще печатный трактат объемом около 100 листов под заглавием «Краткая история генеалогии ханов и правителей так называемой Великой Татарии, описанная Абул-гази Баядур ханом, происходившим из всемирно известного рода Чингиз-хана, от правителей страны узбеков и т. д.». В заключение указывались опять те же адреса, по которым можно было внести деньги, а затем получить карту и трактат. Однако ни карта, ни трактат не появились в свет ни в 1725-м, ни в последующие четыре года.

В 1725 г. в небольшой брошюре «Vorbericht eines zum Druck verfertigten Werckes von der Grossen Tatarey und dem Königreiche Siberien, mit einem Anhang von Gross-Russland» (Предупреждение о подготовленном к печати сочинении о Великой Татарии и царстве Сибирском с приложением о Великой России) Страленберг писал, между прочим, о положении дела с изданием карты: «Работа в настоящее время настолько продвинулась, что карта закончена уже вплоть до картушей и других мелочей, и каждый, кто возьмет на себя труд посетить квартиру капитана Матерна, может убедиться в этом» [1, стр. 31]. Однако основным препятствием к скорейшему выпуску в свет как карты, так и историко-географического описания к ней было по-прежнему отсутствие средств. Надежды на подписку не оправдались. Число подписчиков было столь незначительным, что полученных денег было недостаточно для покрытия расходов по печатанию трудов. «Поэтому, — писал Страленберг, — для того, чтобы продвинуть это дело, я в настоящее время ищу новые пути и средства, чтобы г-да подписчики не могли бы подумать, что они могут оказаться в убытке». Отметив часто встречающиеся в трудах иностранных ученых указания на незначительное количество исторических и других работ, выпускаемых в Швеции, Страленберг полагает, что немалой славе государства послужило бы то обстоятельство, если бы оно оказало поощрение точно изложенным и написанным правдивым (хотя и не ученым) пером произведениям. Таким образом, пишет он в заключение, от субсидии знатных господ и покровителей зависит то,

когда выйдет его труд. Он же постарается почтить такое поощрение либо посвящением, либо восхвалением в предисловии к своему сочинению [1, стр. 32].

Наконец, в 1729 г. в журнале «*Bibliothèque Germanique*» в разделе «Литературные новости из Берлина» появилось известие: «Здесь гравировается по подписке карта, которая будет приложена к географическому описанию севера Азии и Европы, т. е. Российской империи и Великой Татарии (Описание печатается в Лейпциге). Автор карты и описания — подполковник от инфантерии шведской службы — г. Филипп Иоганн фон Страленберг. В течение 13-летнего пребывания в плену он имел возможность собрать большое количество совершенно новых сведений по географии и различным народам Татарии, что дает возможность ожидать появления поучительного и интересного произведения и превосходной карты» [48, стр. 218].

Книга Страленберга «*Das Nord- und Östliche Teil von Europa und Asia*» появилась в 1730 г. В том же году была выпущена и его карта, отдельные экземпляры которой были приложены к его книге. Карта носила заглавие «*Nova Descriptio Geographica Tatariae Magnae cum orientalis quam occidentalis in particularibus et generalibus Territories una cum Delineatione totius Imperii Russici imprimis Siberiae accurate ostensa*» (Новое географическое описание Великой Татарии, как восточной, так и западной, точно воспроизводящее как отдельные части, так и всю территорию в целом вместе со всей Российской империей и в особенности Сибирью).³

Территория, охватываемая картой, простирается от 50 до 185° в. д. и от 32 до 75° с. ш. Градусная сетка дана через 5°. Карта раскрашена, надписи на ней сделаны на латинском языке. Размер карты 65 × 100 см.

При составлении карты Страленберг пользовался «данными французских географов, положивших свой первый меридиан у о-ва Ферро, и особенно данными г-на Делиля,⁴ по определению которого Тобольск в Сибири находится точно под 90° в. д.». «Но так как, — говорит Стра-

³ В литературе карту Страленберга принято называть картой России или Российской империи или картой Сибири Страленберга.

⁴ Гильом Делиль (1675—1726) — знаменитый французский географ, с именем которого связана реформа картографии на рубеже XVII—XVIII вв.

ленберг, — выяснилось, что город (на карте Делиля, — М. Н.) оказался несколько более подвинут на восток, чем в действительности, то я на своей карте положил Тобольск под 88° в. д.» [2, стр. 12]. Следует отметить, что незадолго до появления карты Страленберга капитан Беринг еще более точно определил долготу Тобольска, установив ее на 86° в. д.

«Так как я провел большую часть времени в этом месте, — пишет дальше Страленберг, — и подготовил там мои первые карты, то я принял вышеуказанный градус долготы г. Тобольска за свой главный меридиан и, считая от него как на запад, так и на восток, отыскал еще два других главных меридиана». К числу этих меридианов он относит меридианы, проходящие на западе через Москву и на востоке через Нерчинск.

При составлении карты Страленберг пользовался прежде всего результатами измерений широт, произведенных им самим, а также измерениями, сделанными во время совместного путешествия с Мессершмидтом, и данными измерений, полученными от капитана Матерна и других шведских офицеров, принимавших участие в различных экспедициях. Имелись в распоряжении Страленберга и определения широт некоторых мест, сделанные русскими геодезистами, сопровождавшими гвардии майора И. М. Лихарева в его походе на озеро Зайсан в 1720 г.

На карте Страленберга изображены Российская империя от ее границ на западе и до Тихого океана на востоке и прилегающая к ней на юге так называемая Великая Татария, простирающаяся от низовий Волги и Каспийского моря до Японского моря. Нанесены пограничные территории сопредельных стран: Польши, Турции, Персии, Индии, Монголии, Китая и др.

Показаны моря и океаны, омывающие берега Российской империи и Великой Татарии: Каспийское, Аральское, Азовское, восточная часть Черного, Белое море, Северный Ледовитый и Тихий океаны и т. д. Дана широко разветвленная речная сеть и нанесены большие озера: Байкал, Ладожское, Онежское, Ильмень, Зайсан и др.

Леса обозначены деревцами, степи и пустыни отмечены надписями: «Песчаная пустыня Гоби», «Степь Ишимская», «Степь Иртышская», «Степь Уфимская» и т. д.

Горы изображены холмиками или цепью холмиков. На карте указаны горы: Уральские, Кавказские, Алтайские, Саянские, Гималаи под названием Имаус, Белур, Музтаг, Музарт и др. Многие горные цепи наименований не имеют. К числу их относятся горные цепи, идущие с севера на юг в междуречье Лены и Яны, горные цепи по берегам рек Алдана и Олекмы, горы на Камчатке, Чукотке и т. д.

В некоторых случаях название гор сопровождается пояснительными надписями, указывающими на полезные ископаемые. Так, перед горами к западу от реки Аксу сделана надпись: «В этих горах находится сера, свинец, нашатырь и серебро»; в горах Музарт имеется такая надпись: «Гора, богатая серебряным металлом»; в горах Южного Урала: «Гора Урал-тау богатая серебром».

В южной части Камчатки указан действующий вулкан: «Гора, извергающая огонь, иногда грохочущая и видная на расстоянии двадцати дней пути». По-видимому, речь шла о Ключевской сопке. На побережье Северного Ледовитого океана между реками Леной и Оленеком, в верховьях последней, изображена гора со столбом красного пламени над вершиной и с надписью: «Гора, извергающая пепел, в котором находится нашатырь». Страленберг нанес на карту эту гору исходя из известий, собранных во время совместного путешествия с Мессершмидтом, которому несколько позже, в 1723 г. в бытность его в Туруханске, удалось уточнить эти известия и установить, что «горящая гора» находится на реке Хатанге, хотя точное ее местоположение выявить не удалось. Это сделали позднейшие исследователи. Миддендорф первый, по словам Л. С. Берга, обратил внимание на то, что здесь идет речь о подземных пожарах каменного угля: «Около середины XVIII в. описываемый подземный пожар совсем или отчасти прекратился, и Миддендорф, будучи через 100 лет в Хатангском погосте, не мог получить по этому вопросу никаких сведений. Разъяснение этот вопрос получил только во время Хатангской экспедиции 1905 года: близ устья реки Огневки, впадающей в Хатангскую губу километрах в 50 к востоку от устья Попигая, И. П. Толмачев обнаружил ясные следы бывшего каменноугольного пожара, истребившего на пространстве многих десятков квадратных километров два пласта мезозойского каменного угля» [13, стр. 319—320].

Страленберг не дает на карте деления европейской России на губернии, провинции и уезды, считая, что это лишь переполнит и без того чрезвычайно насыщенную карту и сделает ее неотчетливой и трудночитаемой. Вместо этого он делит европейскую Россию на шесть частей: Россия, Царство Астраханское, Царство Казанское, Великая Пермь, Самоедия и Земли, отошедшие к России по Ништадтскому миру, которые, по его словам, до сих пор еще ни один географ точно не обозначил [2, стр. 11]. Интересно, что, несмотря на это заявление, новые приобретения России по Ништадтскому миру не нашли отражения на карте Страленберга. За исключением крохотного кусочка Финского залива, Невы и Петербурга, все остальные земли (часть Карелии с г. Выборгом, Ингерманландия, Эстляндия и Лифляндия) оказались закрытыми нарядным картушем в виде рамки со шведским гербом, поддерживаемым двумя львами наверху, и с посвящением внутри рамки шведскому королю Фридриху I. «Собственно Россия», т. е. европейская Россия, на карте Страленберга делится еще на три части: Великую Россию, Малую Россию и Белую Россию.

В Сибири же ввиду меньшей насыщенности карты автор дал административное деление на шесть провинций: Соликамскую, Тобольскую, Березовскую, Енисейскую, Якутскую и Иркутскую.

Великая Татария делится на Великую и Малую Татарию. Кроме того, вся Великая Татария подразделяется еще на шесть частей: Малая Татария в Европе и ее часть в Азии; земли туркмен, узбеков, Казачьей орды и каракалпаков; владения калмыков под властью Контайши вместе с завоеванными его предшественниками странами, как Кашкар, или Малая Бухария, Монголия, Восточная Татария и Тибет и владения Далай-ламы.

На карте указаны районы расселения народов Сибири и Великой Татарии. На побережье Северного Ледовитого океана от Печоры до Лены — самоеды, по Лене и к востоку от нее — якуты, еще дальше к востоку — юкагиры, чукчи, коряки, олюторцы, на полуострове Камчатка — камчадалы, на южной оконечности Камчатки — курилы, на побережье Охотского моря — ламуты и гиляки, к западу от них по течению Лены — тунгусы, пользующиеся собаками, по Енисею и его притокам — тунгусы оленные и конные, по Ангаре — буряты, в верховьях Енисея — ка-

чинцы, камасинцы, канские татары, аринцы, тубинцы, абинцы и др; к югу от них — монголы, телеуты; вниз по Чулыму — чулымские татары, к северу от них, вниз по Оби и ее притокам — остяки нарымские, сургутские, обские, иртышские, казымские, ляпинские, обдорские и надымские. На территории Великой Татарии указаны районы расселения туркмен, узбеков, казахов, каракалпаков, калмыков, монголов, гияяков и других народов. В европейской России отмечены места поселения казанских татар, чувашей, черемисов, пермяков, вогулов, вятичей и др.

Карта снабжена многочисленными надписями, в которых отмечается историческое, экономическое и политическое значение того или иного пункта или местности. Так, надпись возле Полтавы гласит: «Здесь, у р. Ворсклы произошли две битвы: одна в 1396 г. между Тамерланом и великим князем литовским Витовтом, союзниками которого были русские, другая в 1709 г. между шведами и русскими». На полуострове Мангышлак написано: «Торговое место, где в некоторые годы собираются для торговли разные народы, а именно русские, казахи, бухарцы, армяне и другие».

В левом углу карты помещено ее заглавие. По обе стороны заглавия изображены горы: слева Уральские, справа Гималаи. Эти горы олицетворяют собой подразделение карты на европейскую и азиатскую части. Над горами возвышаются два щита, на которых изображены эпизоды из греческой мифологии, связанные, по мнению автора, с далеким прошлым этих стран. На щите слева нарисован Прометей, волею Зевса прикованный к скалам, и орел, пожирающий его все заново вырастающую печень. На другом щите — Вулкан, или Геркулес, убивший, согласно легенде, из своего лука орла и освободивший Прометея. Рядом с Геркулесом изображен его сын Скиф — отец всех скифов и изобретатель лука и стрел [2, стр. 19].

В правом нижнем углу карты находится заключенная в раму миниатюрная карта Сибири. Возле нее изображены два офицера. Один производит измерение циркулем, другой отдергивает запавес, закрывавший карту. Между ними помещен миллиарий, содержащий масштабы в различных единицах измерения: в немецких милях, русских верстах и китайских ли. Рисунок, сделанный над рамой,

закрывающей в себе карту Сибири, представляет разину-
тую пасть чудовища, олицетворяющую собой плен. Внизу
картуша на ленте сделана надпись «Per vincula», т. е.
«Через оковы». Все это должно было, по словам Стрален-
берга, символизировать то обстоятельство, что географиче-
ские работы, в частности работы по составлению дан-
ной карты, проводились в неволе, тайком и были связаны
с огромными трудностями.

В нижней части миниатюрной карты сделана надпись
«К благосклонному читателю. Принято считать в 1° по
прямой линии 104 русские единицы измерения или
версты и в каждой из них по 1500 русских локтей (ар-
шин), но из-за кривизны дорог, как мы наблюдали, сле-
дует принимать градус равным 120 верстам, и примерно
по этому исчислению мы вычертили отдельные детали
этой карты».⁵ Далее следуют подписи: Филипп Иоганн

⁵ По поводу этого для современного читателя кажущегося не-
понятным заявления Страленберга известный специалист в обла-
сти истории математической картографии Ф. А. Шибанов по
просьбе автора дал следующее объяснение. Если бы расстояния
между точками земной поверхности шли строго по прямой линии,
то, чтобы выразить эти расстояния в частях градуса дуги боль-
шого круга земного шара, достаточно было бы разделить эти рас-
стояния на длину 1° меридиана (у нас в России в XVIII в. длину
дуги 1° меридиана принимали равной 104 верстам с небольшим).
Но так как расстояния между пунктами на земной поверхности
определяются по дорогам, извилистость которых бывает самая
разнообразная, то, для того чтобы перейти к расстояниям по пря-
мым направлениям, необходимо в измеренные расстояния ввести
соответствующие поправки. Делалось это обычно так: измеренные
расстояния уменьшали на $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{10}$ их величины в зависимости от
извилистости пути, а затем полученные расстояния делили на
длину дуги 1° меридиана, таким способом получали расстояния
между пунктами в угловой мере, выраженные в частях градуса
дуги большого круга. Но можно было поступить иначе, как это
и сделал Страленберг: искусственно увеличить длину дуги 1°,
отчего суть дела не изменилась. Например, пусть между двумя
пунктами было измерено расстояние в 600 верст, разделив его
на 120 верст в 1° (как это принято у Страленберга), мы получим
дугу большого круга в 5°. Но если из расстояния в 600 верст вы-
честь предварительно $\frac{1}{8}$ его длины (среднее из $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{10}$), т. е.
76 верст, и затем разделить на 104 версты, то получим ту же дугу
большого круга, равную 5°. Переход этот необходим был для
получения третьей стороны сферического треугольника (две
первые являлись дополнением широт до 90°, т. е. полярными
расстояниями), решение которого по теореме косинусов
($\cos \Delta l = \frac{\cos l_0 - \cos \theta_1 \cos \theta_2}{\sin \theta_1 \sin \theta_2}$), давало возможность тригометри-
ческим путем получить разность долгот взятых пунктов. Этот

фон Страленберг и И.-А. Матерн. Гравировал карту П.-Ф. Фриш.

Следует указать, что в описании карты Страленберг, говоря об этом картуше, упоминает еще спускающихся сверху ангелов, держащих в одной руке пальмовую ветвь, а другой рукой отдергивающих занавес и открывающих карту Сибири. На лентах, обвивающихся вокруг пальмовых ветвей, надписи: на одной — «Слава в вышних богу!», на другой — «На земле мир». Поясняя смысл этого изображения, Страленберг пишет, что оно символизирует «недавно заключенный в северной части Европы мир, который после столь длительных войн, происходивших с начала этого столетия между многими великими монархами, привел к приятной гармонии и положил конец вышеназванной войне», а снятие занавеса с изображения географической карты должно знаменовать то, что отныне устранены помехи, которые были у автора настоящего произведения в плену, и что, следовательно, «Европе могут быть сообщены все желательные и интересующие ее сведения» [2, стр. 21—22]. Интересно отметить, что картуши на просмотренных нами картах Страленберга, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов, в Центральном государственном военно-историческом архиве, в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и в Библиотеке Академии наук СССР, не соответствуют описанию Страленберга. На картушах этих карт нет ангелов с пальмовыми ветвями и занавес отдергивается не ангелами, а одним из двух офицеров.

Выше отмечалось еще одно допущенное Страленбергом несоответствие между самой картой и ее описанием: на карте на месте нахождения земель, отошедших к России по Ништадтскому миру, помещен картуш с посвящением королю шведскому Фридриху I. Есть сведения о том, что одно время Страленберг намеревался посвятить свою карту Петру I или его памяти. В письме к И. А. Черкасову от 9 апреля 1725 г. Татищев писал, что Страленберг в предисловии к своему труду «намерен великие дела бла-

---

способ получения разности долгот уже широко применялся Бируни (973—1048). Видимо, этим же способом пользовались и географы древности (Марин Тирский, Клавдий Птолемей) при составлении своих карт. Правда, математический аппарат в те времена был иным.

женные памяти его величества», т. е. скончавшегося в январе 1725 г. Петра I, «по крайней возможности изобразить» [43, стр. 9]. Видимо, вопрос решался в последний момент, и, посвятив свою карту и книгу Фридриху I, он вынужден был в угоду последнему произвести в ней соответствующие изменения и не успел или забыл сделать их в тексте книги.

Характерной особенностью карты Страленберга является отразившееся в ней стремление автора возможно полнее использовать как новейшие достижения западноевропейской картографии, так и собранные им во время пребывания в России географические и картографические сведения и материалы.

С этой точки зрения особого внимания на карте Страленберга заслуживают изображения Каспийского моря и прилегающих к нему с востока стран, а также северо-восточной части Азии.

Страленберг, говоря о своей работе над картой, в частности над Каспийским морем и прилегающими к нему странами, писал, что он внимательно рассмотрел все новые карты этого моря и нанес на карту сведения, любезно сообщенные ему послом Фабрициусом, побывавшим несколько раз в Персии и имевшим точные сведения о Каспийском море. «Кроме того, — писал Страленберг, — я получил сведения от тех людей, которые вместе с злосчастной экспедицией Александра Бековича несколько лет тому назад были на восточном побережье Каспийского моря, а затем вернулись опять в Россию из туркменского и узбекского плена. Среди них было несколько шведов и немцев, которые сообщили мне наилучшие сведения о Каспийском море. Согласовав все эти сведения друг с другом, я в соответствии с этим и нанес Каспийское море на карту и нарисовал его со всеми подробностями и примечаниями» [2, стр. 17].

В самом деле Каспийское море на карте Страленберга имеет более близкие к действительности очертания, нежели его изображения на картах начала XVIII в., в частности на картах Витсена, Избранта Идеса и на ранних картах Гильома Делиля море почти квадратное. На карте Страленберга Каспийское море изображено в виде продолговатого неправильного прямоугольника, причем очертания его восточного берега совпадают с восточной береговой линией Каспия на лучшей карте того вре-

мени — карте Ф. И. Соймонова и К. Ван-Вердена 1720 г., хотя и отличаются от них большей четкостью и законченностью. Что же касается очертаний других берегов моря, то они либо нанесены Страленбергом на карту на основании расспросов, либо взяты с какой-либо другой карты, вследствие чего, с точки зрения их соответствия действительности, значительно уступают изображению Каспийского моря как на карте Г. Делиля 1723 г., напечатанной в его «Новом Атласе, содержащем все части света» под заглавием «*Carte des Pays voisins de la Mer Caspienne dressée pour l'usage du Roy sur la carte de cette mer faite par l'ordre du Czar...*», так и на Генеральной карте России и на карте Каспийского моря и Камчатки, включенных в Большой атлас И.-Б. Гомана 1725 г. Изображение Каспийского моря на этих картах является копией с упомянутой выше карты Соймонова и Вердена, которая была подарена Петром I Парижской Академии наук. Карты Гомана и Делиля были хорошо известны Страленбергу.

Положение моря на карте довольно близко к современному.

Изображение Аральского озера схематично, но его положение довольно близко к действительности. С юга в него впадает тремя рукавами Аму-Дарья (под тремя названиями: Аму-Дарья, Гихун и Оксус), а с востока — Сыр-Дарья. То обстоятельство, что обе реки изображены на карте Страленберга впадающими в Аральское озеро, выгодно отличает ее от предшествующих карт, на которых эти реки обычно изображались впадающими в Каспийское море. Однако Страленберг не смог все же совершенно отказаться от старых традиций и нанес на свою карту несуществующую реку Кезел-Дарью, являющуюся как бы продолжением Аму-Дарьи, текущую на запад от места разветвления последней на три рукава и впадающую в Каспийское море между Карабугазским и Балханским заливами. Кроме того, он соединил безымянным протоком Сыр-Дарью в ее нижнем течении с Аму-Дарьей, нанес несуществующий приток Сыр-Дарьи Талаш, впадающий в нее с севера, а также изобразил реку Зеравшан под названием Сорг притоком Аму-Дарьи.

На карте показано древнее русло Аму-Дарьи, идущее от города Ургенча до Каспийского моря, и сделана надпись: «Здесь старое русло р. Аму-Дарьи». На Аму-Дарье, у места, где начинается это сухое русло, поставлен знак

и дано следующее пояснение: «Здесь хивинцы и туркмены, перегородив русло Аму-Дарьи, заставили ее течь в Аральское озеро».

На карту нанесено большое количество больших и малых городов. Н. Л. Корженевский, сравнивая карту Страленберга с картой астраханских владений капитана Марка Дубровина, опубликованной И. К. Кириловым в 1731 г. и Л. С. Бергом в 1939 г. в статье «Две карты Аральского моря первой половины XVIII в.», находит, что расположение городов на карте Страленберга очень неточно и грубо [28, стр. 51]. Но едва ли это можно ставить в вину Страленбергу, если принять во внимание, что Дубровин лично посетил нанесенные им на карту страны, а Страленберг составил карту на основе либо расспросных данных, полученных порой не из первых рук, либо на основе появившихся к тому времени и не отличавшихся особой точностью карт этих районов.

Обращает на себя внимание изображение Новой Земли на карте Страленберга. В отличие от карт Витсена, Делиля, Де Фера и др., на которых Новая Земля изображалась в виде острова, оконтуренного только с северо-западной, северной и северо-восточной сторон, но с большим числом географических объектов (рек, гор, бухт, мысов и близлежащих островов), Новая Земля на карте Страленберга представлена в виде полуострова, с почти полным отсутствием географических объектов и надписей. Полуостров вытянут с запада на восток и имеет ясно очерченные контуры. Пролив Вайгач и «Мангазейское море, или Тазовская губа», отделяют его от материка, с которым он соединен на востоке узким перешейком, покрытым ледяными горами. Изображая Новую Землю в виде полуострова, Страленберг основывался, по его словам, на свидетельстве людей, которые ходили на Новую Землю по перешейку и «видели по обе его стороны Ледовитое море и ледяные горы». В подтверждение он приводит еще рассказ своего квартирного хозяина, 80-летнего старика, который жил когда-то в Туруханске и был свидетелем случая, когда бежавший от хозяина слуга, спасаясь от преследования, перешел по перешейку на Новую Землю и, следуя по северной стороне Тазовской губы, дошел до пролива Вайгач, перешел его по льду и опять вышел к устью Оби [2, стр. 17—18].

Отсутствие критического подхода и использование недостаточно проверенных известий нередко приводили Страленберга, как и в данном случае, к досадным ошибкам и вызвали справедливые нарекания современников. Не имея твердой уверенности в том, что Новая Земля является островом, Татищев тем не менее считал доводы Страленберга совершенно неубедительными и в «Примечаниях» на его книгу писал, что, основываясь на сказании «нерассудного баснословца о ушедшем из Туруханска жителя», Страленберг считает Новую Землю не островом, а частью Сибири. Это «сказание», по мнению Татищева, «весьма невероятно, ибо такими великими пустынями и студеными местами одному пройти такоуж корму, которого по расстоянию места на несколько седмиц с собою иметь [следовало бы], видится, весьма невозможно».⁶

Одной из немалых заслуг Страленберга является изображение на его карте северо-восточной части Азии. При составлении этой части карты он воспользовался русскими источниками, отразившими великие открытия, сделанные в Сибири Семеном Дежневым в 1648 г. и В. Атласовым и Л. Морозко на рубеже XVII и XVIII вв. Своим походом из устья Колымы до устья реки Анадырь Дежнев доказал раздельность Азии и Америки. После этого похода на русских картах Северного Ледовитого океана стал отчетливо обозначаться проход в Тихий океан. Отмечая это, М. И. Белов указывает, что «на чертеже Сибирской Земли, составленном в 1668 г. по указу царя Алексея Михайловича и по распоряжению тобольского воеводы Петра Годунова, морской путь от Архангельска до Камчатки не имеет преград» и что «полное картографическое изображение результатов похода Дежнева можно найти на чертеже Сибири 1684—1685 гг.» [12, стр. 166].

Морозко и Атласов своими походами открыли Камчатку и положили начало ее освоению и изучению. Их дело продолжили другие землепроходцы, в том числе И. П. Козыревский, который в 1711—1713 гг. побывал на Курильских островах.

Ценные сведения, полученные в результате всех этих походов, были зафиксированы на картах-чертежах, появившихся в 1700—1715 гг. К их числу прежде всего

---

⁶ БАН СССР, РО, 17.9.7, л. 34 об.

следует отнести «Чертеж вновь Камчадалские земли» С. У. Ремезова 1700 г. [10, № 48], Чертеж похода Козыревского 1712—1713 гг. в копии Ремезова [10, № 50], Карту Ивана Львова около 1710 г. [10, № 55] и Якутскую карту 1710—1711 гг. [10, № 54].

Северо-восточная часть Азии на этих чертежах приобрела более близкие к действительности очертания: появились полуострова Камчатка и Чукотка, реки Лена, Яна, Индигирка, Колыма и другие потекли не в Тихий, как на некоторых предшествующих картах, а в Северный Ледовитый океан, исчез «необходимый нос», уходящий в море, вопрос о разделности материков был решен утвердительно. А между тем в течение всей первой четверти XVIII в. у ученых Западной Европы не существовало твердого убеждения о разделности материков и не было ясного представления о северо-восточной оконечности Азии. Так, на карте Витсена «Nieuwe Lantkaarte van het Noorder en Ooster deel van Asia en Europa» 1687 г. очертания северо-восточной части Азии напоминают ее очертания на русских чертежах 1667 и 1672 гг., которыми Витсен пользовался одновременно с другими русскими источниками того времени. На месте Чукотки нанесен длинный полуостров в виде узкой каменной гряды, уходящей на северо-восток. Возле его северной оконечности сделана надпись: «Необходимый (непроходимый, — М. Н.) нос» и «Ледяной мыс, конец которого неизвестен». На карте Г. Делиля «Carte de Tatarie» 1706 г. тоже на северо-восточной оконечности Азии изображен узкий полуостров с каменной грядой гор и надписями: «Нос. Горная цепь» и «Неизвестно, где кончается эта горная цепь и не соединяется ли она с каким-нибудь другим материком». Наконец, на карте, приложенной к книге Вебера «Nouveaux Mémoires sur l'Etat présent de la Grande Russie ou Moscovie», 1728 г., в северо-восточной части Азии имеется тот же «нос» со следующей припиской: «Горная цепь, которая соединяется с тем, что считают за материк Америки» [13, стр. 44—45].

Изображение северо-восточной части Азии на карте Страленберга, конечно, еще далеко от действительности и несовершенно, так же как неточны были те источники, которые легли в основу его карт.

В Северном Ледовитом океане к северу от устьев рек Индигирки, Алазеи и Колымы нанесен несуществующий

в действительности большой остров, на котором написано: «С вершин гор близко видны устье р. Колымы и Святой Нос. Необитаемый остров, положение и особенности которого до сих пор невозможно было узнать». В проливе между берегом материка и островом другая надпись, подтверждающая раздельность материков Азии и Америки: «Отсюда русские, пересекая море, загроможденное льдом, который северным ветром пригоняет к берегу, а южным отгоняет обратно, достигали с громадным трудом и опасностью для жизни земли Камчатки». Между устьями Колымы и Анадыря изображен, по-видимому в соответствии со сказкой Атласова, имевшейся в распоряжении Страленберга [2, стр. 432], а также чертёжом Ивана Львова, длинный и узкий полуостров, названный мысом или «Носом Шелагским». К юго-востоку от Шелагского носа нанесена «Земля Чукотка»; к востоку от нее находится большой серпообразный остров, по всей вероятности являющийся одним из первых изображений Аляски, со следующей надписью: «Живущие на этом острове люди отличаются от обитателей материка языком и нравами. Жители материка называют их пухоходцами.⁷ Они ведут войну с гюхегами». Гюхеги⁸ же, как отмечено на карте, живут на нескольких мелких островах; нанесенных на карту между этим большим островом и азиатским материком [13, стр. 36].

Камчатка омывается «Анадырским морем» с востока и «Пенжинским» и «Ламским» морями с запада. К югу от устья реки Камчатки к побережью полуострова почти вплотную примыкает узкий и длинный остров с надписью: «Обитаемый остров, открытый Иваном Голыгиным. Множество черных или чернобурых лисиц и всяких ценных зверей. От твердой земли один день пути». Пролив Уриес, отделяющий этот остров от Земли Компании, нанесен на карту в соответствии с изображением этой части Тихого океана на современных западноевропейских картах. Возле южной оконечности Камчатки показана небольшая группа островов и непосредственно

---

⁷ Л. С. Берг предполагал, что это имя было дано русскими жителям о. Гвоздева за их обыкновение носить платье из птичьих шкурок [13, стр. 56].

⁸ Гюхеги, по мнению Л. С. Берга, эскимосское название небольшого эскимосского поселения на мысе принца Уэльского — Киги, обитателей которого они называют кихми [13, стр. 55].

за ними — Япония. Южная оконечность полуострова находится градусов на десять южнее, чем в действительности. Эта ошибка была замечена уже некоторыми современниками, особенно после появления Генеральной карты Российской империи 1734 г. Кирилова и копии итоговой карты Первой Камчатской экспедиции, опубликованной дю Гальдом в 1735 г. Несколько позднее, в 1757 г., издатель французского перевода книги Страленберга «Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia» дал следующее объяснение возникновению этой ошибки: встретив в Тобольске японца, взятого в плен Атласовым и направляемого в Москву, Страленберг спросил его через переводчика: «Действительно ли в Японии Камчатку называют Землей Иезо?». Утвердительный ответ японца «и заставил Страленберга (карты которого положили начало нашим сведениям о всем Севере Азии) предположить, что остров Иезо, открытый в 1643 г. голландцами, был Камчаткой, поэтому он продолжил эту страну на 10—11° дальше на юг, чем это было в действительности» [4, стр. 190—191].

Очертания Чукотки и Камчатки на карте Страленберга не похожи на их очертания на известных нам русских картах-чертежах, относящихся к первой четверти XVIII в. По названиям географических объектов, нанесенных на карту Страленберга, особенно рек и островов, она ближе всего подходит к «Чертежу вновь Камчадалские земли» С. У. Ремезова 1700 г. [10, № 48], по своим же очертаниям больше напоминает Якутскую карту 1710—1711 гг. [10, № 54]. Кроме того, некоторые надписи на этой карте имеют сходство с приведенными выше надписями на карте Страленберга: «Остров или земляца, а на ней люди все неясашные. Бывал на нем Иван Голыгин. Лисицы бурые и сиводушные есть»; или надпись, сделанная рядом с огнедышащей горой: «Из сей сопки исходит огонь и град бывает, а облака в полгоры ходят, видчею за 35 дней». На карте Ремезова 1700 г. этих надписей нет. Все это дает основание думать, что при составлении карты Камчатки Страленберг пользовался либо несколькими русскими картами-чертежами, либо одной какой-то до сих пор не обнаруженной картой.

Известно, что в материалах Мессершмидта, хранящихся в Ленинградском отделении Архива АН СССР,

имеются копии чертежей, подлинники которых входят в «Служебную чертежную книгу» С. У. Ремезова, в том числе копии чертежей провинций и городов: Енисейска, Иркутска, Кузнецка, Тары, Тобольска, Тюмени, Томска, Якутска, Красноярска, а также копии чертежей северо-восточной оконечности Азии, Камчатки, Сибири к востоку от Енисея и Камчатки с Курильскими и Японскими островами по чертежу И. П. Козыревского 1713 г. и др. Нет сомнения в том, что копии этих чертежей попали к Мессершмидту главным образом через Страленберга, который пользовался ими для составления своих первых карт Сибири, изготовленных им года за 1½—2 до приезда Мессершмидта в Тобольск.

Страленберг лично знал С. У. Ремезова, встречался с ним и был знаком с его работами. Так, говоря о том, что в России не было недостатка в любознательных людях, которые уже давно старались нанести на карты отдельные земли восточных окраин своего государства, он в качестве примера приводит «старого художника», встреченного им в Тобольске, который сделал «партикулярные карты всех сибирских провинций и прилегающих к ним земель». «Однако, — добавляет Страленберг, — он был так скрытен и недоверчив, что я смог получить у него только разрешение посмотреть эти карты, но и этого было достаточно, чтобы убедиться в том, что он не был географом, а только художником. Но, между прочим, он все же чертил по своему разумению города, земли и реки» [2, стр. 102]. В другом месте, говоря о сибирских мамонтах, Страленберг вспоминает, что «старый художник, по фамилии Ремезов, живший в Тобольске», рассказывал ему об огромном скелете мамонта, который он со своими товарищами нашел в Барабинской степи [2, стр. 394]. Наконец, в бытность свою в Томске Страленберг познакомился с одним художником по фамилии Ремезов (возможно, что это был кто-либо из сыновей С. У. Ремезова), у которого он видел карту Томского уезда, раскрашенную масляными красками.

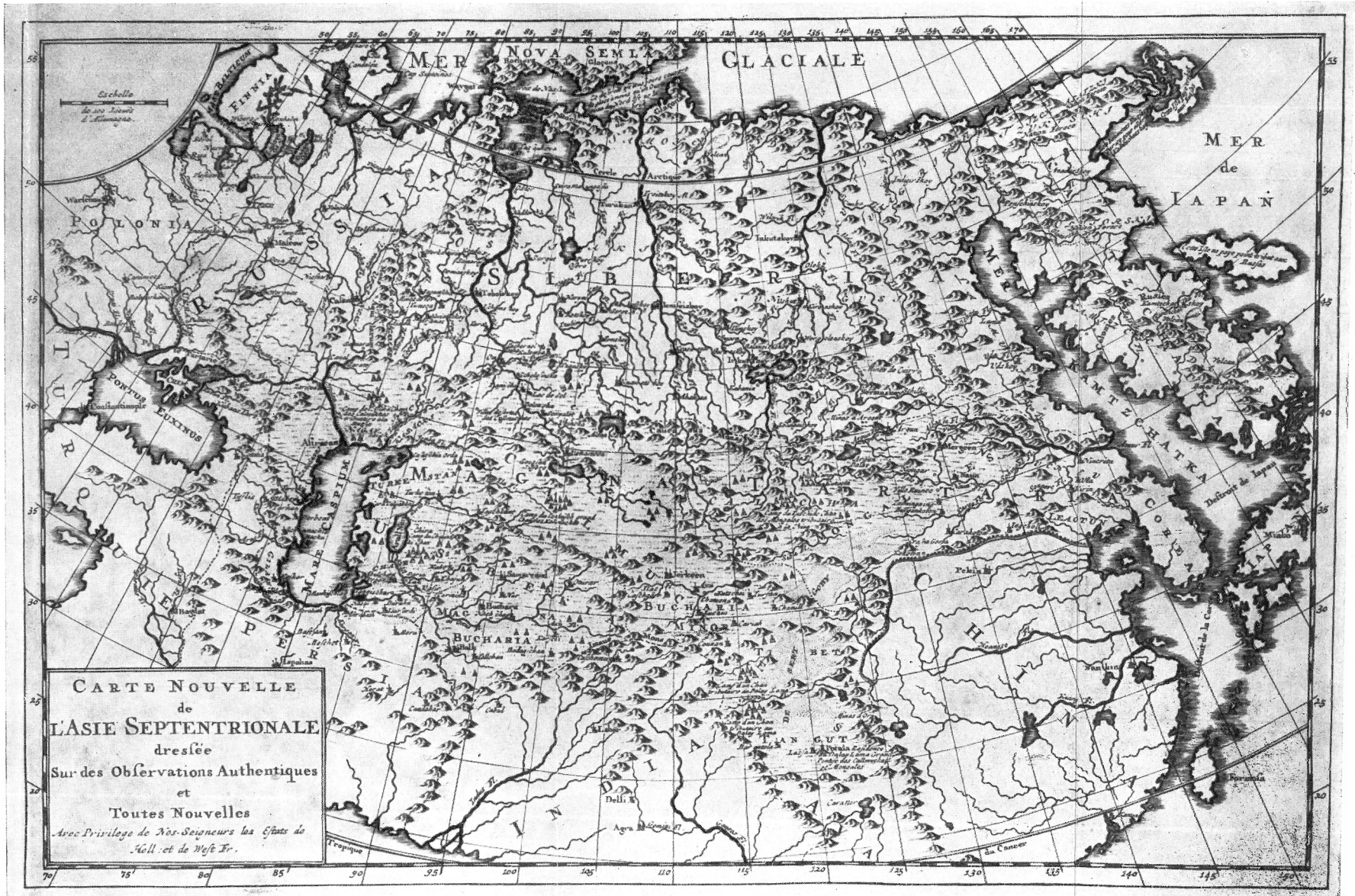
Вполне понятно, что чертежи русских картографов не могли удовлетворить Страленберга с точки зрения метода и техники своего выполнения, как не имеющие ни географической сетки, ни точных масштабов, ни научной математической основы. Тем не менее это не помешало ему воспользоваться ими при нанесении на карту неко-

торых географических объектов и в особенности относящихся к тем местностям, где он сам не бывал. К числу таких объектов относятся изображения Байкальского озера со всеми впадающими в него большими и малыми речками, полуостровов Камчатки и Чукотки, побережья Охотского моря и восточного побережья Северного Ледовитого океана. Расстояния в верстах или в днях пути, обозначенные на чертежах, помогли Страленбергу в некоторых случаях более точно определить положение отдельных географических объектов относительно друг друга, а сведения, почерпнутые как из чертежей, так и устных сообщений, в частности картографа Ремезова, встреченного им в Томске, дали ему возможность сравнительно верно нанести на карту районы расселения различных сибирских народов. Все вместе взятое позволило ему не только дать более точную и богатую по содержанию карту Сибири, не только по-новому и в большем соответствии с действительностью нанести очертания северо-восточной Азии, но и смело решить до того времени спорный и неясный вопрос о существовании северо-восточного прохода из Северного Ледовитого океана в Тихий.

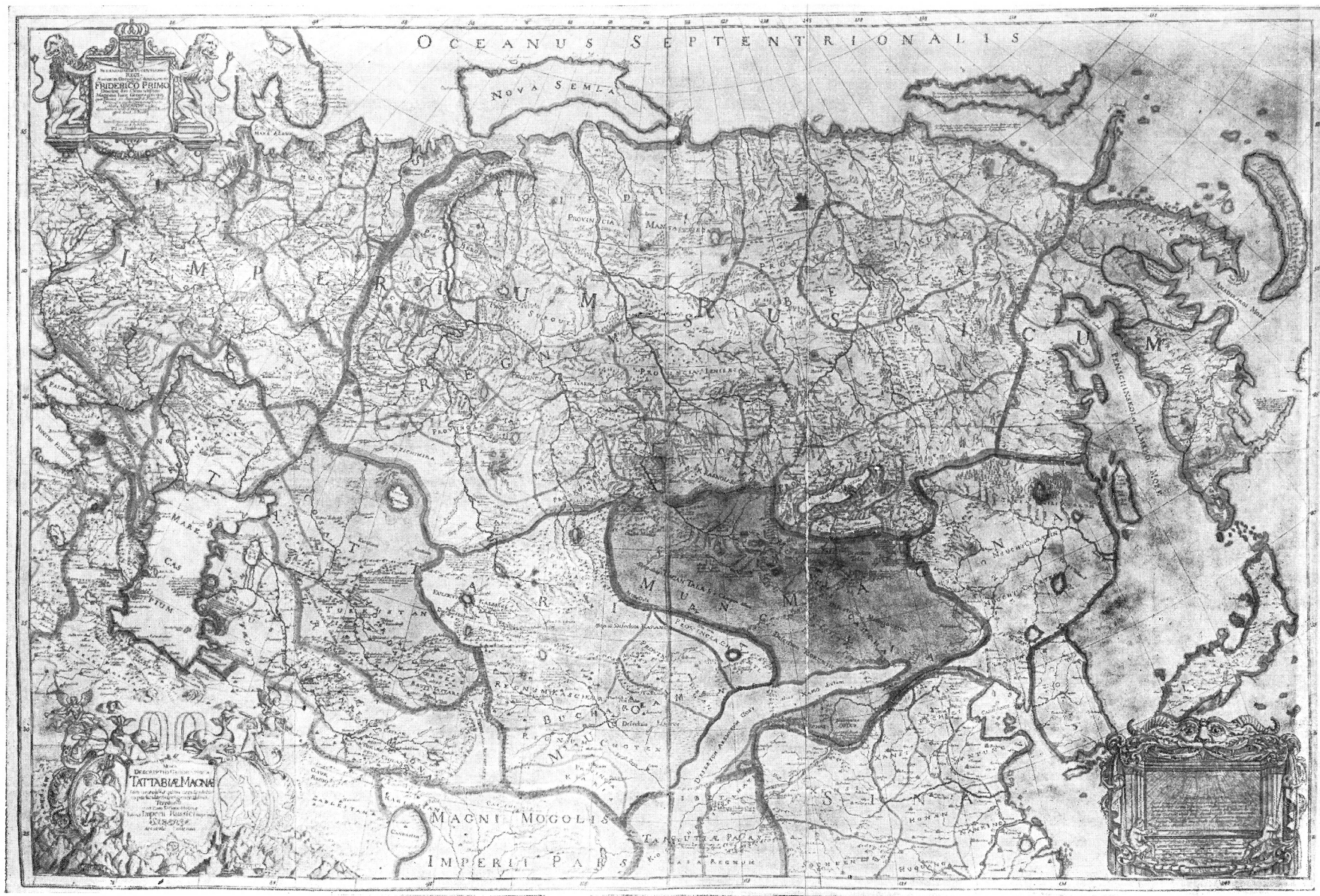
К сожалению, Страленбергу не удалось первым напечатать свою карту со всеми выгодно отличавшими ее от других предшествовавших карт особенностями.

Мы видели выше, какой сильный интерес вызвала карта Страленберга у Меллера, нашедшего ее в вещах пастора Роловсена в 1721 г.; видимо, как очень ценная и достойная внимания работа она была показана в том же 1721 г. царю [60, стр. 98], а затем куплена Меллером и преподнесена Петру I. В упомянутом уже письме от 24 апреля 1724 г. Страленберг, изложив обстоятельства, при которых он вынужден был продать свою карту купцу Меллеру, писал: «Это и есть та самая карта, о которой вы соизволили упомянуть и которая была показана и преподнесена его величеству императору Великой России». По-видимому, при содействии того же Меллера, а возможно и через Я. В. Брюса, карта Страленберга целиком или только в части Камчатки была сообщена за границу и использована И.-Б. Гоманом при издании карт Камчатки и Генеральной карты России, вошедших в его «Grosser Atlas über die Gantze Welt. Nürnberg. MDCCXXV».

Новая карта Северной Азии...
Лейден, 1726.

Карта России и «Великой Татарии»
Ф.-И. Страленберга (1730).

Как видно из опубликованного Э. Ф. Варепом письма И.-Б. Гомана к магистру И.-Д. Дедерлейну от 17 июня 1723 г., карты Каспийского моря и Камчатки были присланы Гоману в 1722 г. по распоряжению Петра I.⁹ В 1723 г. эти карты были уже напечатаны на одном листе под заглавием «Geographica nova ex Oriente gratiosissima duabus tabulis specialissimis contenta, quarum une Mare Caspium altera Kamtzadalam seu Terram Jedzo curiose exhibet» (Новая география с Востока, милостиво данная на двух оригинальных таблицах. Из них одна интересно представляет Каспийское море, другая Камчадальскую землю, или землю Иедзо) [23, стр. 113]. К 1723 г. была напечатана и Генеральная карта России [15, стр. 293], она отличалась от предыдущих карт Гомана не только названием (Генеральная карта России, а не Московии, как раньше) и очертаниями Каспийского моря, представляющего собой копию карты Ф. И. Сойманова и К. Ван-Вердена 1720 г., но и очертаниями северо-восточной части Азии, нанесенными в соответствии с присланной из Москвы картой Земли Камчатки.

В этих картах, равно как и в появившихся в 1725, 1726 и 1727 гг. в Голландии анонимных картах, приписываемых шведским пленным, Страленберг узнал копии своих карт, составленных в 1715 и 1718 гг., о чем он и не преминул заявить во всеуслышание.

Еще в 1724 г. в неоднократно цитированном письме от 24 апреля, имея в виду эти карты Гомана, Страленберг писал: «При первом взгляде на вновь напечатанные карты Камчатского моря видно, что они являются копией карты, отобранной у меня князем Гагариным». Позднее, в 1730 г. на предпоследней странице предисловия к своей книге «Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia» он, отрицательно отзываясь о картах своего времени, по поводу карты 1726 г., приложенной к «Histoire généalogique des Tatars», писал: «... по сравнению с предыдущими картами она более точна, но и с нею дело обстоит бы не лучше, если бы не моими руками жар загребли, т. е. если бы не воспользовались при этом первыми составленными мною для этой части света в 1715

⁹ В «Ответах на вопросы Космографического общества в Нюрнберге» акад. Х.-Н. Винсгейм указал, что «карта Камчатки и Каспийского моря была издана за границей по заказу покойного г. де Брюса» [18, стр. 158].

и 1718 г., но оставленными в России картами» [2, без пагин.]. Далее он еще раз подчеркнул, что не только карта, напечатанная в 1726 г. в Лейдене, но и «последняя карта, выпущенная Гоманом и относящаяся к этой части света», точно так же во многих местах является копией с тех двух карт, которые в 1715 и 1718 гг. были изготовлены им в Тобольске. «Обе карты, — добавляет он, — были напечатаны на двух листах большого формата, но были приведены к меньшему масштабу авторами, в руки которых они попали и которые издали их, внося в них незначительные изменения (например, в отношении Каспийского моря)» [2, стр. 10].

Как известно, ни одна из трех карт, сделанных Страленбергом в Тобольске, до нас не дошла. Однако сохранились некоторые свидетельства об их существовании. Так, Ж.-Н. Делиль в письме к графу Морепана от 25 мая 1729 г., сообщая обстоятельства, при которых Страленберг лишился своих карт, писал: «... третью карту, которая была еще лучше, чем предыдущие, он был принужден, вопреки своему нежеланию, продать. К счастью, тот, кто купил ее, преподнес ее покойной царице, а она передала ее в Академию, и в настоящее время эта карта в моих руках. Она датирована 1717 г. и имеет 2 фута в высоту на 3 в длину» [61, стр. 142].¹⁰ Прямое указание еще на одну карту Страленберга было найдено в свое время В. Ф. Гнучевой в реестрах карт Географического департамента, где она значилась как «Carte générale de la Russie, 1725. Par Strahlenberg dans un cadre doré».¹¹ Но судя по подготовительным материалам реестра 1748 г., эта карта была уже утрачена [18, стр. 12].

Карта Страленберга имела много недостатков, в большинстве обусловленных отсутствием достоверных сведений и точно определенных астрономических пунктов, а также теми специфическими условиями, в которых он находился, и трудностями, с которыми ему пришлось

---

¹⁰ По-видимому, Делиль ошибочно считал оказавшуюся в его руках карту «третьей картой» Страленберга. Сам Страленберг датирует изготовление своих карт 1715 и 1718 гг., считая картой 1718 г. ту карту, которую он тайно от Гагарина оставил у себя, а затем, возможно, еще несколько доработав, после отъезда Гагарина в 1718 г. из Тобольска отправил в Москву. Карта же 1717 г. была, видимо, картой, отобранной у него Гагариным.

¹¹ ЛО ААН СССР, ф. 3, оп. 10, № 171, 2, л. 18, об., № 21.

встретиться при составлении своих карт. Недостатки карты были отмечены современниками. Так, В. Н. Татищев в своей «Истории Российской», говоря о географии вообще и русской в частности, писал, что «все в Германии и Голландии печатные ландкарты русские неисправны и, сколько я оных имею, все негодны, кроме Страленбергом, а потом Генсием поправленной и с описанием весьма неисправным потом изданных, в которых нечто ближе к истине находится, да сие им в вину причесть невозможно, потому что правильных известий получить невозможно, да и мы сами доднесь никакого достаточного и правильного пределов описания не имеем» [43, стр. 346].

Ту же мысль высказал и известный картограф XVIII в. И. К. Кирилов. Страленберг, по его словам, «будучи в плене в Сибири, собрал больше сведений со слов, нежели подлинною обсервациею, чему не дальнее доказательство и всякому рассудить мочно, где бы он мог взять не токмо астрономических инструментов, но и математических. А хотя бы и получил тайно, то бы как он там ими стал явно действовать, будучи пленник, где народ тотчас бы его за шпиона признал» [27, стр. 107—109].

По-видимому, Кирилов не совсем ясно представлял себе обстановку, в которой работал Страленберг. Как мы видели, путешествуя с Мессершмидтом, он довольно успешно и беспрепятственно производил наблюдения и определения широт местности, но тем не менее с проявлениями недоверия и с подозрением, если и не в шпионаже, то в желании убежать из плена, ему очень часто приходилось встречаться и в особенности тогда, когда он пытался получить от местных жителей какие-либо сведения о стране.

Кирилов был прав, утверждая, что Страленберг «собрал больше сведений со слов, нежели подлинною обсервациею», что и сказалось на качестве его карты. Это в свое время отметил и Г.-Ф. Миллер. В 1761 г. в работе «О ландкартах, касающихся до Российского государства» он дал следующую характеристику карте Страленберга: «Сия карта, вышедшая в 1731 г. (карта и книга Страленберга были опубликованы в 1730 г., — М. Н.) вместе с напечатанным описанием северных и восточных частей Европы и Азии, была в оное время бесспорно лучшая.

Но после усмотрено, что весьма много не достаёт ещё в её совершенности. Едучи по России и Сибири, имел я сию карту всегда при себе, и токмо нашёл оную несколько исправную в тех местах, где был сам сочинитель, а прочие места преисполнены ошибками, потому что г. Страленберг не мог оныя положить, кроме [как] по словесным известиям от других полученным, кои часто утверждались на весьма худых основаниях» [32, стр. 487].

Однако все эти недостатки карты Страленберга не помешали современникам оценить и её достоинства. Во всяком случае до появления Генеральной карты 1745 г., составленной на математической основе и с некоторым, правда незначительным (вследствие засекреченности), учетом результатов камчатских экспедиций [20, стр. 265; 11, стр. 141—142], карта Страленберга считалась одной из лучших. Академик Х. Гросс в письме к А. Д. Кантемиру 6 мая 1734 г., сравнивая её с только что появившейся картой Кирилова, писал: «Я все же предпочитаю генеральную карту г. Страленберга, потому что она более полная» [25, стр. 433]. Картой Страленберга пользовались для практических и научных целей. С ней не расставался Г.-Ф. Миллер во время путешествия по Сибири, к ней прибегал и В. Н. Татищев при написании своих научных трудов. Есть сведения о том, что рукописная карта Страленберга была вручена капитану В. Берингу при его отъезде в Первую Камчатскую экспедицию. Это подтверждает, правда, не делая ссылки на использованные им источники, В. Ю. Визе [17, стр. 61]. Вполне возможно, что Ф. М. Апраксин, упоминая в инструкции от 3 февраля 1725 г. [45, стр. 373] о переданной В. Берингу «для известия тамошних мест» карте, сочиненной в 1721 г., имел в виду карту Страленберга, купленную купцом П. Меллером и преподнесенную в 1721 г. Петру I. Такие ученые, как Ж.-Н. Делиль и д'Анвиль, отзываясь с большой похвалой о карте Страленберга, считали, что она в значительной степени обогатила их сведениями о Сибири вообще и её северо-восточной окраине в частности. Так, в письме к президенту Академии наук Л. Л. Блюментросту от 9 января 1729 г. Делиль писал, имея в виду карту Страленберга: «Мне кажется, милостивый государь, судя по карте одного из этих офицеров (шведских), которую вы вручили мне, что

именно их исследованиям главным образом и обязаны мы наиболее достоверными знаниями о северо-востоке Азии». ¹²

Вполне естественно, что быстрый рост географических знаний, последовавший в результате работы Первой Камчатской экспедиции, а затем грандиознейшей по тому времени Второй Камчатской экспедиции, обусловил появление более точных и достоверных географических карт, которые оставили далеко позади карту Страленберга. Но это ни в коем случае не уменьшает его заслуг в истории картографии и в особенности главной его заслуги (которая почему-то не была до сих пор достаточно четко отмечена его биографами): Страленберг был первым из западноевропейских картографов, впервые на основании русских чертежей нанесшим на карту полуострова Чукотку и Камчатку и тем самым коренным образом изменившим конфигурацию северо-восточной оконечности Азии, принятую до этого на географических картах Запада.

---

¹² ЛО ААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 17, л. 23 об.

«СЕВЕРНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ЧАСТИ ЕВРОПЫ И АЗИИ»

Книга Страленберга имела длинное, в духе того времени название: «Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet, in einer Historisch-Geographischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten, und vielen andern unbekanntten Nachrichten vorgestellet, nebst einer noch niemahls ans Licht gegebenen Tabula Polyglotta von zwey und dreyszigerley Arten Tatarischer Völcker Sprachen und einem Kalmuckischen Vocabulario, sonderlich aber einer grossen richtigen Land-Charte von den benannten Ländern und andern verschiedenen Kupfferstichen, so die Asiatisch-Scythische Antiquität betreffen; Bey Gelegenheit der Schwedischen Kriegs-Gefangenschafft in Russland, aus eigener sorgfältigen Erkundigung, auf denen verstatteten weiten Reisen zusammen gebracht und ausgefertiget von Philipp Johann von Strahlenberg. Stockholm, in Verlegung des Autoris. 1730 (Северная и восточная части Европы и Азии, поскольку таковые охватывают все Русское государство с Сибирью и Великую Татарию, представленные в историко-географическом описании древнего и нового времени и со многими другими неизвестными сведениями и с никогда еще не издававшейся «Tabula Polyglotta» 32 различных языков татарских народов, с калмыцким словарем, и особенно с большой и точной ландкартой вышеуказанных стран и разными другими гравюрами на меди, касающимися азиатско-скифских древностей. Собрано и составлено Филиппом Иоганном фон Страленбергом во время пребывания в России в качестве шведского военнопленного на

Титульный лист к книге Ф.-И. Страленберга
«Северная и восточная части Европы и Азии...».

основании личных тщательных расспросов и дозволенных ему далеких путешествий. Стокгольм. В издании автора. 1730).

Эта книга была издана еще в Лейпциге без указания года издания под заглавием «Historie der Reisen in Russland, Siberien und der Grossen Tatarey. Mit einer Landcharte und Kupfferstichen welche die Geographie und Antiquität erläutern, verrichtet und gesammelt von Philipp Johann von Strahlenberg, Königl. Schwedischen Obristleutenant. Leipzig, bei Gottfried Kiesewetter, Buchhändler in Stockholm» (История путешествия по России, Сибири и Великой Татарии, с ландкартой и гравюрами, поясняющими географию и древности, составлена и собрана Филиппом Иоганном фон Страленбергом подполковником шведской королевской службы. Лейпциг, у Готфрида Кизеветтера, книготорговца в Стокгольме).

Сравнение текстов этих двух изданий показало, что они ничем не отличаются друг от друга, кроме титульных листов.

Посвящая свою книгу, как и карту, королю Швеции Фридриху I, автор выражает надежду, что король оценит его стремление использовать для общего блага время, проведенное в плену, и «примет под свою защиту и покровительством как само произведение, так и его автора».

Страленберг сильно запоздал с опубликованием своих трудов. В предисловии к книге, перечисляя причины этого запоздания, он прежде всего ссылается на то, что здоровье его в результате 13-летнего пребывания в плену и в далеких путешествиях сильно пошатнулось, вследствие чего, вернувшись на родину, он не смог приняться за работу с такой энергией и усердием, с каким намеревался. Одной из причин задержки было то, что он поджидал возвращения из Сибири «своего хорошего друга», который мог бы взять на себя эту работу и «как ученый, несомненно, сделать ее лучше». Страленберг имел в виду Мессершмидта, оставшегося в Сибири после его отъезда. Однако не имея никаких известий от него и не видя никаких работ, которые были бы выпущены им в свет, он решил сам приступить к написанию книги [2, стр. 62].

Книга Страленберга делится на две части: обширное «Введение» на 136 страницах и «Историко-географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии».

Введение состоит из шести глав.

В первой главе, отмечая почти полный мрак и неизвестность, царящие в науке в отношении происхождения и переселения народов, Страленберг пишет, что множество новых и интересных открытий, сделанных учеными его времени, позволяет надеяться на то, что и в этой области будет внесена надлежащая ясность. Полагая, что география вообще и точные географические карты в частности, в особенности карты отдельных стран, являются одним из источников получения сведений о происхождении народов и их переселении, он счел необходимым внести свою скромную лепту в это дело опубликованием составленной им на основе собранных за время 13-летнего пребывания в плену материалов географической карты и историко-географического описания к ней.

Указывая трудности, с которыми ему пришлось встретиться при работе над картой и книгой, Страленберг пишет: «Должен признаться, что в первое время своего пребывания в плену я знал об особенностях этих стран (Сибири, европейской России и Великой Татарии, — *М. Н.*) столько же, сколько знает осяк о Германии. И как ни хотелось бы мне получить сведения об этих странах, мне не доставало знания необходимых для этого языков» [2, стр. 7]. Большой помехой в работе было недостаточное знакомство Страленберга с литературой, так как он впервые только тогда начал читать древнюю историю. Сверх того, он испытывал недостаток в научных пособиях и книгах, обо всем имевшемся тогда в его распоряжении имуществе он, как некогда древний философ, мог сказать: *Omnia mea mecum porto*, т. е. «Все свое [имущество] ношу с собой».

Отметив ошибки в картах Витсена, Избранта Идеса и других западноевропейских картографов, Страленберг особенно подчеркивает, что «в своей карте он не только изменил искаженные на других картах названия городов, гор, рек и народов, но и выбросил такие названия, которые были нанесены на прежних картах этой части света только для того, чтобы заполнить многие свободные места, а на самом же деле никогда не были в употреблении и были совершенно неизвестны местным жителям. В качестве примеров он приводит нанесенную на одну из карт «провинцию Лукоморье, о которой никто не знает ни в России, ни в Сибири» [2, стр. 7—8], или встречающиеся неизвестные названия, как «Локате, Серга, Кымрос и др.».

Переходя к описанию карты, Страленберг как в первой, так и в двух последующих главах знакомит читателя с соображениями, которыми он руководствовался при проведении главного меридиана, с методом построения карты, с ее внешним оформлением, с протяженностью по долготе и широте европейской России, Сибири и Великой Татарии, с границами этих стран, с их внутренним политическим и административным делением.

Особенно подробно Страленберг останавливается на народах, известных в Западной Европе под общим именем татар, проживающих в восточной части Европы и в Северной Азии. Опровергая утверждение некоторых древних и новых писателей о том, что северная часть Азии заселена исключительно татарами, он пишет, что это заблуждение возникло из-за недостатка достоверных сведений об этой части Азиатского материка не только у европейцев, но и у японцев и китайцев. Такие сведения, по словам Страленберга, впервые были получены лишь 50 лет тому назад русскими, открывшими и исследовавшими полуостров Камчатку. Эти сведения, равно как личные наблюдения и материалы, дали возможность Страленбергу утверждать, что, кроме татар, на указанной территории проживает еще много других народов, ошибочно причисляемых к татарам. Все эти народы и татар в том числе он делит на шесть классов. Описанию этих классов и входящих в них народов и посвящена главным образом третья глава «Введения».

В основу предложенной классификации Страленберг положил произведенное им сопоставление языков этих народов. Он установил связь между отдельными языковыми группами и наглядно представил все это в приложенной к книге таблице, названной «*Tabula polyglotta*», или «*Harmonia linguarum gentium boreo-orientalium vulgo tatarorum*». В таблице приведены слова на 32 языках, разбитых на шесть классов (I — языки финно-угорские; II — языки северных тюркских народностей; III — языки самоедские; IV — языки калмыцкий, маньчжурский и тангутский; V — языки тунгусские, палеоазиатские и угорские; VI — языки кавказские).

Для сопоставления Страленберг берет 60 слов, из них несколько числительных (счет от 1 до 10 или до 20), остальные существительные (бог, отец, мать, род, огонь, вода, земля, ветер, солнце, луна, ночь, день, голова, глаз,

рот, язык, рука, нога, лошадь, собака и т. д.). Однако все эти 60 слов полностью переведены, не считая венгерского и финского, только на якутский, калмыкский и, за исключением трех слов, на язык тобольских, тюменских и тарских татар. В переводе этих слов на другие языки имеются большие пробелы. Так, мордовский язык и язык самоедов, живущих между Архангельском и рекой Печорой, представлены только 14 словами, языки вогулов, остяков (иртышских) и курилов — 16, чувашей — 17, вотяков — 20 и т. д. Эти пробелы, по словам Страленберга, получились вследствие утери им в 1723 г. по пути из Тобольска в Москву записной книжки, в которой были написаны собранные им слова. Некоторые слова ему удалось потом найти в путевом дневнике и в других своих материалах, но восстановить полностью свою таблицу он не смог.

Словарный материал, положенный в основу исследования, был, по-видимому, собран самим Страленбергом только у тех народов, с которыми он непосредственно соприкасался. Языковые же записи других народов были получены им из разных источников, из которых Страленберг называет только два. Слова пяти языков кавказских народов были сообщены ему библиотекарем Стокгольмской королевской библиотеки Бреннером, а слова курильского языка были извлечены из сочинения какого-то автора, имени которого он не называет [2, стр. 71].

Отдавая себе полный отчет в несовершенстве «*Tabula Polyglotta*», Страленберг тем не менее опубликовал ее, надеясь, что калмыцко-монгольский словарь, состоящий из 1300 слов и приложенный к книге [2, стр. 137—156], и множество монгольских, тунгусских, татарских и других слов, встречающихся в тексте книги, не только восполнят до некоторой степени недостатки таблицы, но помогут выяснить происхождение имен различных народов и побудят многих ученых к дальнейшим исследованиям в области истории переселения народов.

В четвертой главе Страленберг дает описание «*Tabula Polyglotta*», сообщает методы ее построения и отмечает ее значение в изучении древней истории. В качестве примера он приводит установленное по таблице сходство языков I класса (вогульского, мордовского, черемисского, пермяцкого, вотяцкого и остяцкого) с финно-угорскими языками, дающее основание не только считать эти языки

родственными, но и полагать, что народы, говорящие на этих языках и в настоящее время живущие частью в Европе, частью в Сибири, в древности жили в одном месте и составляли один народ. «К таким же и многим другим подобным выводам, — пишет Страленберг, — могли бы привести и объяснить происхождение многих известных слов и те немногие слова, которые собраны в таблице из различных языков северо-восточной Азии» [2, стр. 61]. В подтверждение он приводит целый ряд примеров, как своих собственных, так и заимствованных из литературы. Причем, увлекаясь этимологическими исследованиями и не обладая достаточным знанием языков, он иногда на основании простого созвучия слов делал слишком смелые и необоснованные заключения, вызывавшие резкую критику как его современников, так и ученых позднейших поколений.

Пятая глава посвящена рассуждению о числах, которым разные народы испокон веков придавали особое значение, считали священными и неизменно пользовались ими при совершении всякого рода церемоний и обрядов. Это числа семь, девять и три. Страленберг приводит многочисленные примеры, свидетельствующие о почитании этих чисел различными народами. Эти примеры заимствованы им главным образом из сочинений древних и современных ему писателей. Изредка он подкрепляет их сведениями из своего опыта и знакомства с жизнью разных народов Сибири и Восточной Европы.

В шестой главе автор ставит еще окончательно в то время не решенный вопрос о границе, разделяющей Азию и Европу. Он предлагает в основу разделения материков положить естественную, созданную самой природой границу — Уральские горы, тянущиеся с севера на юг. В обоснование своего предложения он приводит ряд аргументов и в том числе аргумент различия природы территорий, лежащих к западу и к востоку от Уральских гор.

Разделяя неправильное представление современных ему ученых, в том числе Татищева, о высоте Сибири над уровнем моря, он писал: «Азиатские страны на севере, начинающиеся от восточных склонов этих гор, лежат значительно выше европейских стран». В доказательство он приводит свои собственные наблюдения и свидетельства Марка Поло, Избранта Идеса и других путешественников [2, стр. 107—108].

Затем он указывает на различие в климате. Холодный климат и жестокие сибирские морозы он объясняет тем, что Сибирь имеет постепенный наклон к северу, к Северному Ледовитому океану, благодаря чему она предоставлена действию холодных северных ветров. «Вследствие этого, — пишет Страленберг, в Стокгольме, который лежит почти под 60° с. ш., растут такие фруктовые деревья, как яблони, груши и вишни, а в Тобольске, находящемся на 58° с. ш., т. е. почти на 2° или 30 миль южнее Стокгольма, ничего подобного нет». Кроме того, добавляет он, «В Сибири (особенно прямо против Новой Земли) не растет никаких злаков выше 60° с. ш., тогда как в Швеции их можно найти до 64° и даже выше» [2, стр. 108].

Наконец, он останавливается на различии между Восточной Европой и Сибирью в области животного, растительного и минерального царства.

Страленберг пришел к выводу, что граница между Европой и Азией, будучи однажды установленной по Уральскому хребту, останется неизменной, тогда как все прежде установленные географами границы быстро утрачивали свое значение, так как не имели под собой достаточно твердой основы.

Татищев, разделяя мнение Страленберга, писал: «Плкий горы Рифейские, мною, правильно границею между Европы и Азии положил, что я при сочинении ландкарты Страленберговой ему изъяснил и в Примечаниях на его книгу, которая во многом погрешна, о сем я показал, что нет пристойнейшей границы между сими двумя частями земли, как сии горы» [43, стр. 414]. Татищев, как известно, встречался со Страленбергом не только в Тобольске в 1720 г., но и в Стокгольме, где он был в 1724—1725 гг. Сам Страленберг в письме к вице-ректору Берлинской гимназии Я.-Л. Фришу 12 марта 1725 г. писал о пребывании Татищева в Стокгольме, характеризуя его как «интересного и образованного русского человека, который хорошо говорит и неплохо пишет по-немецки. «Он взял на себя труд, — писал Страленберг, — написать замечания на „Staats und Zeitungslexicon“ Гюбнера, к той части, которая относится к России, а я изложил их на чисто немецком языке и добавил к ним то, что ему было недостаточно известно о Сибири» [51, стр. 419]. К сожалению, эти замечания до сих пор не найдены.

В конце «Введения» дано небольшое приложение «Об Истории татар Абул-гази Баядур хана». Как указывалось выше, Страленберг намеревался издать и подготовил уже к печати рукопись Истории татар Абул-гази Баядур хана, но выход в свет в 1726 г. «*Histoire généalogique des Tatars*» помешал ему привести в исполнение это намерение.

Издатель и переводчик «*Histoire généalogique des Tatars*», скрыв под псевдонимом D*** свое имя и не назвав имен шведских офицеров, от которых он получил немецкий перевод рукописи труда Абул-гази, не упомянул и Страленберга, бывшего инициатором всего этого дела, так как это он, а никто иной, нашел рукопись и организовал ее перевод на немецкий язык. Сам Страленберг рассказывает об этом: «Так как я с самого начала пребывания в плену и в течение нескольких последующих лет трудился над составлением лучшей и более точной карты Сибири и Великой Татарии, нежели те, которые были изданы в Европе до этого, то я был вынужден в силу этого поддерживать дружеские отношения как с проживавшими в г. Тобольске и его окрестностях бухарскими татарами, так и с другими татарами-магометанами как ради изучения языка, так и ради тех путешествий, которые некоторые из них совершали в Великую Татарию. Особенно часто встречался я с их ахуном, очень любезным человеком по имени Азбакевич. Однажды он показал мне, кроме всех других документов, которые у него имелись, две рукописи. Одна из них касалась Персии, а другая Татарии, причем эту последнюю он назвал Чингиз-Китап, т. е. Книга Чингиза. Обе рукописи были получены из Туркестана. Из объяснений в отношении отдельных частей этих рукописей, данных им на русском языке, я понял, что в них, особенно в последней, содержится много материалов для описания Великой Татарии. Поэтому я выпросил у него эту рукопись, чтобы более подробно просмотреть ее с помощью другого моего знакомого татарина. И хотя мне уже в то время очень хотелось сделать перевод этой рукописи, но на моем пути стали трудности: с одной стороны, я был поглощен работой по составлению географической карты, а с другой стороны, вследствие своего тогдашнего положения я не имел средств для того, чтобы взять на себя все расходы по переводу. Посоветовавшись со своими друзьями, мы решили втроем

взять на себя издержки по переводу. В качестве переводчика я рекомендовал одного знакомого татарина, жившего в деревне, и они, зная достаточно хорошо русский язык, засели втроем за работу в деревне, в которой жил этот татарин». Занятый составлением карты, Страленберг мог только изредка наведываться в деревню и следить за работой, которая состояла в том, что татарин слово в слово переводил каждое предложение на русский язык, а пленные офицеры переводили его на немецкий. Но так как в татарском тексте встречались различные арабские, персидские и калмыцкие слова и названия, которые татарин не мог перевести и объяснить, то в немецком переводе получилось много неясных мест. «Тем не менее каждый из трех заинтересованных, — пишет Страленберг, — получил свой экземпляр перевода, а сделанные с них в дальнейшем копии попали потом еще и в другие руки» [2, стр. 35—36].

Не желая утруждать читателей изложением уже опубликованного материала, Страленберг ограничился вышеупомянутым приложением, в котором дал краткую биографию Абул-гази Баядур хана и привел многочисленные примеры, свидетельствующие о тождестве в изложении истории татар у Абу-гази и истории в одноименном сочинении Иоанна Магнуса, архиепископа Упсальского (1488—1544).

В следующем небольшом дополнении к «Введению» автор опять возвращается к своим этимологическим изысканиям. Приведя многочисленные примеры существования в европейских языках слов тюркско-татарского происхождения, он делает вывод, что если эти слова могли перейти с востока на запад, то подобное могло произойти и с наименованием некоторых народов. В результате сопоставлений он пришел к выводу о восточном происхождении слов Kalli или Galli и Guithi или Guideli и их значения: Kalli или Galli 'оставшиеся на прежних местах', а Guithi или Guidelli 'оставившие старые места своего жительства'; Страленберг утверждает, что оставшиеся на материке кельты были названы Kalli, Galli или Galatae, а переселившиеся в Британию получили имя Guithi или Gwideli [2, стр. 133—134]. Дальше, сопоставив это с тем, что остяки называют тунгусов, «сильных, стройных и ловких людей, напоминающих своей наружностью итальянцев», Kellem или Kuellem, а одно из их наиболее

сильных и больших племен — Keltaka или Kieltaka, он делает вывод, что часть этих тунгусов и выделила тех кельтов, которые сперва пришли в Европу и там были уже названы Kalli или Galli и Gwidelins [2, стр. 135].

Вторая часть произведения Страленберга, озаглавленная «Историко-географическое описание древнего и нового времени северной и восточной частей Европы и Азии и особенно ее северной части, или Российской империи», состоит из тринадцати глав.

В первых трех главах автор излагает свои соображения по поводу происхождения и значения таких наименований, как «Скифия», «Сарматия», «Русь» и т. д., подкрепляя выводы примерами, заимствованными из языков различных народов и сочинений древних и современных ему авторов. Затем, отослав читателей, желающих познакомиться с современными границами России, к своей карте, а интересующихся старыми границами Русского государства — к работе С. Герберштейна, он останавливается на краткой характеристике климата, растительного и животного мира каждой из четырех зон, на которые совершенно произвольно поделил всю территорию страны. Перечислив главные реки Восточной Европы и Сибири, он сообщает сведения о каналах, сооруженных Петром I, и указывает на их значение в осуществлении коммуникаций между северными и южными морями. Рассказав о путях сообщения, существующих в России в зимнее и летнее время, он останавливается на историческом делении Русского государства на собственно Россию и страны, завоеванные или присоединенные к ней, как Великая Пермь или Биармия, царства Казанское и Астраханское, Сибирь, часть Дагестана, а также страны, отошедшие к России по Ништадтскому миру, и дает краткое описание административного подразделения всей территории государства на 10 губерний с перечислением всех входящих в их состав городов.

В следующих девяти главах даются краткие сведения из истории Русского государства. Автор начинает изложение со времени Бориса Годунова, мотивируя это как трудностью достать материалы, относящиеся к более раннему периоду истории Русского государства, так и наличием достаточно полных известий об этом времени у некоторых европейских писателей, в том числе у С. Герберштейна и Олеария. Впрочем, это не мешало

ему, если это было необходимо по ходу изложения, прибегать к фактам древней русской истории, заимствованным из русских летописей.

Излагая историю Русского государства нового времени, Страленберг старается соблюдать объективность. Он просит читателей не ставить ему в вину, если он недостаточно подробно описал что-либо или затронул такой вопрос, который, как могло показаться некоторым, не следовало бы затрагивать [2, стр. 197].

Уделяя наибольшее внимание царствованию Петра I, Страленберг тем не менее заранее оговаривается, что он не намерен, да и считает, что невозможно требовать от него, чтобы он на нескольких страницах подробно описал жизнь и деятельность такого великого монарха, как Петр I, и тем более, чтобы он высказал еще свое суждение о нем и его деятельности. Он ограничивается тем, что довольно подробно по пунктам излагает некоторые факты из жизни и деятельности царя, которые ставились ему в вину его противниками, и те аргументы, которые выдвигались в его защиту его сторонниками. Попутно автор сообщает некоторые подробности о детстве и юности Петра I, о его взаимоотношениях с братом — царевичем Иваном и сестрой — правительницей Софьей и дает сведения о некоторых исторических событиях и людях, принимавших в них участие, в частности о восстаниях в Астрахани в 1705 г., на Дону в 1707 г., об измене Мазепы, об интригах сибирского губернатора князя Гагарина, о заговоре царевича Алексея и его сторонников и т. д.

Затем автор останавливается на истории русской православной церкви, попутно сообщая краткие (заимствованные из летописи) сведения о крещении княгини Ольги, о принятии христианства и крещении народа князем Владимиром, о первых русских митрополитах и патриархах, об упразднении должности патриарха при Петре I, о раскольниках и т. д.

В заключение он приводит некоторые сведения о доходах и налогах, о военных морских и сухопутных силах России и список знатнейших русских княжеских и дворянских семей.

Последняя глава — тринадцатая — представляет собрание расположенных в алфавитном порядке самых разнообразных известий: о реках, горах, городах, сибирских

народах, ярмарках, рудниках, минералах, растениях и животных, о древних памятниках и различных редкостях, о фабриках и заводах и т. д.

Интересны приводимые Страленбергом в этой главе сообщения о могилах, находившихся недалеко от крепости Абакан, на берегу Енисея, между его притоками Сидой и Ербой. К описанию могил приложена карта (по-видимому, составленная самим Страленбергом), изображающая Енисей и местность, где находились могилы [2, стр. 356—359, табл. V]. В другом месте, говоря о наскальных рисунках и надписях, найденных в Великой Перми, в городе Чердыни и на реке Томи, между Томском и Кузнецком, он не только дает их изображение, но и прилагает краткое описание таких же рисунков, виденных им самим на скалистых берегах Енисея между Абаканом и Красноярском [2, стр. 337—341]. Сюда же относятся четыре таблицы древних надписей, найденные, по словам Страленберга, на реках Ирбите и Пышме и представляющие воспроизведение «чудцкого письма» с ремезовских чертежей [2, стр. 132]. Ссылаясь на свою неосведомленность в этих вещах, Страленберг ограничивается тем, что приводит только выдержки из сочинений других писателей, пытавшихся пролить свет на происхождение этих надписей [2, стр. 363—368].

К сведениям о пещерах на берегу Енисея, недалеко от устья реки Бирюсы, между Абаканом и Красноярском [2, стр. 371—372], Страленберг присоединяет краткое описание Кунгурской пещеры и дает ее карту, видимо, принадлежавшую С. У. Ремезову, в Служебной чертежной книге которого она числится утерянной.

Говоря о мамонте и мамонтовых костях, находимых в большом количестве на берегах Оби, Енисея, Лены и других сибирских рек, Страленберг вспоминает С. У. Ремезова, который в присутствии Мессершмидта и многих других рассказывал, как он вместе с 30 своими товарищами нашел в Барабинской степи близ озера Чана целый скелет мамонта длиной в 36 локтей. Мамонт лежал на боку, и ребра правой стороны так далеко отстояли от ребер левой, что он, стоя в остове и имея в руках длинную секиру, не мог достать ею верхней части остова, находящейся над его головой [2, стр. 394—395]. Отвергая высказанные некоторыми его современниками предположения, что мамонт — это либо амфибия, либо слон ог-

ромных размеров, Страленберг полагает, что мамонт — «морское животное, подобное тем, зубы и скелеты которых датчане привозили из Гренландии и Исландии и продавали их как зубы и кости единорога» [2, стр. 395].

Интересны сведения экономического характера, приводимые автором при описании некоторых городов. Так, описывая Екатеринбург, он сообщает, что возле плотины, построенной на протекающей через город реке Исети, находятся железоделательные и сталелитейные заводы со всеми подсобными предприятиями. Подробно перечислив оборудование этих заводов (печи, горны, молоты, станки, машины, пилы и т. д.), он указывает, что все это приводится в движение водой реки посредством 42 колес.

При описании Якутска Страленберг отмечает: «Почва в этих местах, хотя и лежащих далеко к северу и к Ледовитому морю, пригодна для роста зерновых». Указав на быстрое созревание хлебов в Якутии, он пишет: «Солнце в этих широтах летом заходит только на короткое время или даже вовсе не заходит, и земля пользуется теплом днем и ночью. При этом замечательно то, что в это время не бывает дождей, а земля, которая здесь жирная и черная, оттаивает не глубже, чем на четверть локтя. Снизу корни получают влагу, а сверху растение получает тепло, что и содействует быстрому росту» [2, стр. 378—379]. Но местные жители, по словам Страленберга, не используют этих преимуществ в достаточной мере, так как заняты охотой на пушных зверей, а кроме того, имеют возможность получать хлеб с берегов рек Витима и Киренги.

Привлекает внимание в книге Страленберга также описание Москвы, Московского Кремля и торговых рядов [2, стр. 402—407].

Напечатав в конце книги в виде приложения «Известие о пути Атласова на Камчатку», автор дал возможность широкому кругу читателей познакомиться с открытием, совершенным русскими на рубеже XVII и XVIII вв. на берегах Тихого океана, и получить некоторое представление о полуострове Камчатка, его природе и населении.

Сравнение текста «Известия» Страленберга с напечатанной Н. Н. Оглоблиным «Второй сказкой Владимира Атласова», сообщенной им в Сибирском приказе

10 февраля 1701 г. [37, стр. 5—18], показало, что «Известие» Страленберга является очень точным, за исключением мелких деталей, переводом «Второй сказки» Атласова. Поэтому непонятно утверждение Г.-Ф. Миллера, что «Известие», опубликованное в книге Страленберга, нельзя назвать приказным допросом, потому что оно «не сходствует ни с тем, что показано Атласовым по возвращении своем в Якутск в его челобитной, ниже со взятою с него в Москве, в Сибирском приказе 1701 году сказкою, которые обе гораздо не столь обстоятельны, как сие при Страленберговой книге находящееся описание» [31, стр. 300]. Это утверждение Миллера скорее следовало бы отнести к сообщению о путешествии Атласова на Камчатку, напечатанному в книге Н. Витсена [64, стр. 670—675], которое действительно является обстоятельным, комбинированным изложением сказки 1701 г. и челобитной Атласова 1699 г. с некоторыми добавлениями от автора.

Книга Страленберга имела много недостатков. Большинство из них было отмечено уже современниками. Наибольшей критике подверглись те части его произведения, где он путем сопоставления и сравнения слов, взятых из языков различных народов Европы и Азии, пытался либо установить происхождение отдельных народов, их связь с другими народами и места их первоначального расселения, либо выявить смысловое значение того или иного имени или названия и установить причины, в силу которых они были даны какому-либо народу или географическому объекту (городу, реке, озеру, стране и т. д.). Не говоря уже о крайней перенасыщенности этих рассуждений Страленберга цитатами и ссылками на греческих, римских, древнееврейских, персидских, арабских и западноевропейских писателей и путешественников, они изобиловали еще произвольными словообразованиями и ошибочными выводами и заключениями. Кроме того, многие ученые отметили допущенные Страленбергом вследствие незнания языков искажения по форме и по смыслу отдельных употребляемых им для сравнения слов.

Так, И.-Г. Гмелин приводит ряд примеров, когда Страленберг вместо слова «пёс» употребляет слово *petsch* или *pietsch*, т. е. печь, вместо слова «мороз» — *magus*, производит название реки Пышмы от слова *ruschma*, что, по его мнению, должно обозначать по-русски «письма»,

вместо слова «петух» пишет Wituch и т. д. Подвергнув резкой критике этимологические исследования Страленберга, Гмелин с некоторой долей сарказма спрашивает: «А разве не обязана французская нация г-ну Страленбергу тем, что он на стр. 135 своего „Введения“ часть смысленных тунгусов сделал теми кельтами, которые пришли в Европу и потом только были названы Kalli или Galli и Gwideliens» [52, Vorrede, без пагин.] .

Г.-Ф. Миллер также неоднократно критиковал в своих работах книгу Страленберга и особенно в части его высказываний по поводу вотяков, чувашей и черемисов [33, стр. 4]. Признавая ценность некоторых сведений, содержащихся в книге, он писал: «Мне досадно, что приходится вступать в спор с этим человеком, который, впрочем, имеет много заслуг, сообщив немало сведений, которых без него мы не имели бы».

В другом месте, отмечая чрезвычайную любовь Страленберга к этимологическим исследованиям, в процессе которых он «выдвигал самые фантастические положения и делал из них еще более нелепые выводы», Миллер указывает, что не всегда это был сам Страленберг, а его друзья и знакомые, которые читали его книгу перед ее напечатанием и обогатили ее подобного рода примечаниями и объяснениями. Особенно большую роль в этом отношении сыграл профессор Г.-Я. Кер,¹ с которым Страленберг прожил полгода в одной комнате в Лейпциге и которому он «предоставил полную свободу исправлять и дополнять свою рукопись и был рад, что его книга благодаря этому приобрела вид научного труда». Миллер выражает сожаление, что книга Страленберга не попала в руки ученых, «которые обладали бы более здравым смыслом» [58, стр. 86—87].

Особенно большой интерес к книге Страленберга проявил В. Н. Татищев, который не только тщательно изучил ее и пользовался ею при составлении «Общего географического описания всея Сибири», но и написал на нее в 1732 г., а затем в 1737 г. свои «Примечания».²

Татищев считал, что многие погрешности, допущенные Страленбергом в своем произведении, произошли от

---

¹ Г.-Я. Кер (1692—1740), ориенталист. С 1732 г. жил в России и служил в Коллегии иностранных дел переводчиком и преподавателем восточных языков.

² БАН СССР, РО, 17.9.7.

недостатка достоверных известий, а также от недостаточного знания русского, татарского, монгольского и других языков [7, стр. 159]. Поэтому Татищев предлагает в «Примечаниях» внести в книгу 147 поправок только для исправления слов, искаженных Страленбергом по форме или по смыслу: Siberia вместо Sibiria, Nova Zembla вместо Nova Zemlia, Sclaven вместо Slaven, Solotta вместо Zolotaia, Marus вместо Mогоz и т. д. Кроме того, Татищев сделал 225 замечаний по существу самого изложения. Он дополнил известия Страленберга о древних развалинах в Приволжском крае, исправил астрономические и географические определения некоторых местностей, ипаче объяснил происхождение многих топографических названий, в том числе имени Москва, внес свои замечания по поводу установления границы между Европой и Азией и относительно губерний и их числа. Он собрал новые сведения о Новгородских пятинах, о древних надписях, пещерах, мамонтовых костях и других редкостях, находимых в Сибири. Особенно подробно остановился Татищев на погрешностях, допущенных Страленбергом в изложении и освещении некоторых фактов и событий из истории Русского государства XVI и XVII вв. В частности, он изобличил Страленберга в ошибочном утверждении, что на Руси не существовало письменных законов до царя Ивана I, что при избрании Михаила Федоровича с ним был заключен договор, что Никита и Федор Романовы были братья, а не отец и сын и т. д.

Несмотря на строгий критический подход к произведению Страленберга, Татищев не отрицал его ценности и считал, что Страленберг «весьма похвалы достоин», так как своими трудами «он другим подал немалую причину» к исследованию вопроса о происхождении и переселении народов, живущих в Европе и Азии, и что он в этой области «во многих обстоятельствах света окно отворил».³

Книга Страленберга была встречена с живейшим интересом со стороны не только русских, но и читателей Западной Европы, где жадно читали все, что относилось к России, выдвинувшейся после победоносного окончания Северной войны в ряды могущественнейших европейских держав. В 1736 г., а затем в 1738 г. книга Стрален-

---

³ Там же, л. 1.

берга была издана в английском переводе в Лондоне под заглавием «An historical-geographical description of the North and Eastern parts of Europa and Asia, but more particulary of Russia, Siberia and Great Tartary... London, 1738» (Историко-географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии и в особенности России, Сибири и Великой Татарии... Лондон, 1738).

Интерес к книге Страленберга не ослабевал в течение и второй половины XVIII в. В 1757 г. его книга была издана на французском языке в Голландии под заглавием «Description historique de l'Empire Russien, traduite de l'Ouvrage Allemand de M. le baron de Strahlenberg. À Amsterdam, 1757» (Историческое описание Российской империи. Перевод с немецкого языка труда г-на барона фон Страленберга. Амстердам, 1757). Во французском переводе книга Страленберга значительно сокращена за счет его этимологических исследований и примечаний. В предисловии к книге издатель сообщал, что работа Страленберга, напечатанная в Стокгольме в 1730 г. и затем переведенная на английский язык, была очень хорошо принята на Севере и «поэтому мы льстили себя надеждой, что французский перевод будет не менее интересен французской публике. Но когда вся работа была переведена, мы заметили, что около половины ее состоит из этимологических исследований и примечаний, которые могут интересовать только небольшое количество специалистов. Поэтому было решено дать только историческую часть, которая касается Российской империи. Эта часть содержит много интересных вещей, которые нельзя найти ни в какой другой работе» [4, т. 1, стр. 1]. Взамен сокращенного текста к книге Страленберга были добавлены три небольшие статьи: «О путешествии, совершенном капитаном Берингом на Камчатку в 1725—1730 гг., и краткое содержание его дневника». «Сообщение о Второй Камчатской экспедиции и о путешествиях Беринга, Чирикова и Шпанберга» и «Похвальное слово царю Петру I, читанное Фонтенелем на публичном собрании Королевской Академии наук в Париже».

Наконец, в 1780 г. появился перевод книги Страленберга на испанском языке: «Nueva descripción geográfica del imperio ruso en particular y en general... Traducida del Francés, vols. 1—2, Valencia, 1780 (Новое географическое описание Российской империи как в целом, так

и в отдельных частях... Перевод с французского языка, т. 1—2. Валенсия, 1780).

На русский язык книга Страленберга переводилась несколько раз. Впервые в 1738 г. по поручению Татищева были переведены 4-я, 5-я и 6-я главы. Позднее были переведены 12 глав. Рукопись этого перевода с собственноручными поправками была прислана Татищевым в 1748 г. в Академию наук, в библиотеке которой и хранится. Кроме того, в течение XVIII в. было сделано еще несколько переводов книги Страленберга, в частности в Отчете Московского публичного и Румянцевского музея за 1879—1882 гг. указаны три рукописи переводов за №№ 56, 1119 и 2641 [38, стр. 23]; в Центральном государственном архиве древних актов хранится рукопись перевода В. Томилевского⁴ и т. д. Однако ни один из этих переводов не был опубликован, не считая отрывков в русском переводе, напечатанных В. В. Радловым [40, стр. 24 и сл.] и Н. А. Поповым [39, стр. 709—716]. Что же касается утверждения некоторых иностранных авторов, в том числе Ж. Каана [50, стр. CLXXIX], о существовании русского перевода, напечатанного в Петербурге в 1797 г. под заглавием «Историческое и географическое описание полуночно-восточной части Европы и Азии», то такого издания в библиотеках Ленинграда нет, и, как пишет А. И. Андреев, «сообщение о существовании русского перевода основано, видимо, на том, что в 1879—1882 гг. в Отделение рукописей Московского публичного и Румянцевского музея (ныне Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина) поступила из библиотеки Сулокадзева рукопись № 2641: «Штраленберг. Историческое и географическое описание о древнем и новом состоянии полуночно-восточной части Европы и Азии, паче же империи Российской. Перевод с стокгольмского издания 1730 г. Вятка, 1797 г. скороп. в 4°» [9, стр. 41—42].

Несмотря на то что книга Страленберга так и не появилась в русском переводе в печати, она имела широкое распространение в России: ею интересовались, ее читали, пользовались собранными в ней сведениями, подтверждали или опровергали выдвинутые автором соображения, с ним спорили или соглашались, его хвалили или

---

⁴ ЦГАДА, портф. Миллера, № 510, лл. 1—102.

ругали, но его не забывали в течение двух веков. Во второй половине XVIII в. П. И. Рычков пользовался сочинением Страленберга как одним из источников при написании своей «Топографии Оренбургской губернии». Сильную потребность в книге Страленберга для своей работы испытывал и П.-С. Паллас, который «горько жаловался» И.-А. Эйлеру в письме от 3 апреля 1770 г. на то, что «ему недостаточно быстро была вручена такая ценная работа», как появившееся в 1730 г. произведение Страленберга [63, стр. 307]. Сын П. И. Рычкова Н. П. Рычков, участник экспедиции Палласа, обследовавший районы Волги и Камы в 1769—1770 гг., был сторонником фантастической теории Страленберга о сказочном царстве Биармии, якобы некогда существовавшем на территории Великой Перми и поддерживавшем оживленные торговые сношения с Индией и странами Средней Азии. Как и Страленберг, он полагал, что торговый путь из южных стран шел по Волге, Каме и Печоре в Северный Ледовитый океан и оттуда к берегам Норвегии. Этой же теории придерживались многие русские ученые во второй половине XVIII и начале XIX в. Окончательно она была опровергнута В. И. Берхом на основе археологических раскопок, произведенных им в 1821 г. около Чердыни [44, стр. 138—139].

Среди ученых и писателей XVIII и XIX вв. были и такие, которые отрицательно относились и к трудам Страленберга, и к нему самому. Так, известный биограф Петра I И. И. Голиков называл Страленберга «злым клеветником», тогда как в действительности он был одним из наиболее беспристрастных иностранных писателей XVIII в., побывавших в России и писавших о ней. К тому же он относился с большим уважением к Петру I, отдавая должное его административным талантам и военному гению. В 1849 г. К. М. Бэр обвинил Страленберга в том, что изображением на своей карте Японии сразу же к югу от Камчатки он ввел в заблуждение участников Второй Камчатской экспедиции и И. К. Кирилова, который «за неимением других источников последовал карте Страленберга. В России же тогда, — добавляет Бэр, — вероятно, не знали, как составилось сочинение Страленберга. Сделав кое-какие наблюдения во время краткого путешествия с Мессершмидтом, Страленберг приехал с запасом несчастных (sic) известий в Лейпциг, где и

составил ему книгу и карту кто-то, лучше его владевший пером» [14, стр. 247]. Эта необоснованная и несправедливая оценка трудов и деятельности Страленберга резко расходится с отношением к Страленбергу ученых позднейшего времени, которые, не отрицая недостатков его книги, одновременно отмечали и ее достоинства.

Книгой Страленберга в качестве источника пользовались многие ученые разных специальностей: из нее черпали сведения по археологии В. В. Радлов, по языкознанию — Ю. Клапрот, по этнографии — Н. Ф. Катанов. Последний утверждал, что языковые записи Страленберга дают некоторое представление о языке народностей, в настоящее время уже самостоятельно не существующих, «как коттов, слившихся с самоедами, камасинцев и аринцев, слившихся с тюркским племенем качинцев» [26, стр. 172]. Финский ученый А. Хэмэляйнен рассматривал как достижение того времени попытку Страленберга дать классификацию народов Сибири на основе сравнения их языков [54, стр. 50]. Советский ученый И. С. Вдовин признал, что «несмотря на все недочеты, классификация Страленберга, в которую вошли языки народностей Севера, была первым опытом обобщения знаний об этих языках. Общее языкознание получило новые, хотя и очень скудные и неточные данные о языках народностей Севера, до того еще мало известных» [16, стр. 16].

«Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia» была последним печатным трудом Страленберга. Его слабое, подорванное долголетним пребыванием в плену здоровьем и в особенности ухудшившееся зрение не позволили ему выполнить данное им обещание: опубликовать еще многие имевшиеся в его распоряжении материалы, в том числе «Историю генеалогии татарских ханов», его собственный дневник путешествия по Сибири и Восточной Европе, записки путешествия в Калмыкию Шнитшера и др. Не и то, что он сделал, уже достаточно для того, чтобы его имя поставить рядом с именами тех замечательных людей, которые своими трудами внесли ценный вклад в историю изучения нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

Работы Ф.-И. Страленберга

1. Vorbericht eines zum Druck fertigigten Werkes von der Grossen Tatarey und dem Königreiche Siberien, mit einem Anhang von Gross-Russland. Stockholm. Gedruckt bey Benjamin Gotlieb Schneider. Anno 1726.
2. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm. In Verlegung des Autoris. 1730.
3. То же в переводе на английский язык: An historical-geographical description of the North and Eastern parts of Europa and Asia, but more particulary of Russia, Siberie and Great Tatory. Transl. into English. London, 1738.
4. То же в переводе на французский язык: Description historique de l'Empire Russien. Traduite de l'ouvrage allemand par Barbeau de la Bruyère, vol. 1—2, Amsterdam, 1757.
5. То же в переводе на испанский язык: Nueva descripcion geographica del imperio ruso en particular y en general. Traducida del Francés par Don J. Vic. Tomas y Catala, vol. 1—2, Valencia, 1780.

Источники

6. Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941.
7. Андреев А. И. Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг. Исторический архив, т. VI, М.—Л., 1951.
8. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1. XVII в. М.—Л., 1960.
9. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 2. XVIII в. М.—Л., 1965.
10. Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке в XVII и XVIII вв. Сост. А. В. Ефимов, М. И. Белов и И. О. Медушевская, под ред. А. В. Ефимова.

11. Белов М. И. О составлении генеральной карты Второй Камчатской экспедиции 1746 г. Географ. сборник, вып. III, М.—Л., 1954.
12. Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. Сб. «История открытия и освоения Северного морского пути», т. I, М., 1956.
13. Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.—Л., 1946.
14. Бэр К. М. Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний, ч. 1. Зап. Русск. геогр. общ., кн. 3, СПб., 1849.
15. Вареп Э. Ф. О картах, составленных русскими в Атласе И.-Б. Гомана 1725 г. Изв. Всесоюзн. геогр. общ., т. 94, вып. 9, 1959.
16. Вдовин И. С. История изучения палеоазиатских языков. М.—Л., 1954.
17. Визе В. Ю. Моря советской Арктики. М.—Л., 1948.
18. Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. Тр. Архива АН СССР, вып. 6, М.—Л., 1946.
19. Голиков И. И. Деяния Петра Великого, т. III. М., 1789.
20. Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. 1960.
21. Грот Я. О. О пребывании пленных шведов в России. Журн. Мин. нар. просв., ч. 77, СПб., 1853.
22. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Прав. Сенате в царствование Петра Великого, т. I, СПб., 1880.
23. Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. М., 1950.
24. Записка шведского капитана Христиана Шничера. Ежемесячн. сочин. и изв. о учен. делах, 1764.
25. Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы, т. 2, СПб., 1868.
26. Катанов П. Ф. Швед Филипп Иоганн Страленберг и труд его о России и Сибири. Изв. Общ. археологии, истории и этнографии, т. XIX, вып. 2. Казань, 1903.
27. Кириллов И. К. О приведении в совершенное исправление Российской генеральной и партикулярных ландкарт. 1735. Матер. для истории Академии наук, т. 2, СПб., 1866.
28. Корженевский Н. Л. К истории развития картографии и географических представлений о территории Средней Азии и Узбекистана в XVIII в. Изв. АН Узб. ССР, вып. I, 1949.
29. Кочедамов А. И. Тобольск. Тюмень, 1963.
30. Макшеев А. И. Карта Джунгарии, составленная шведом Ре-

натом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 г. Зап. Русск. геогр. общ., т. IX, СПб., 1888.

31. Миллер Г.-Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с российской стороны учиненных. Сочинения и переводы, 1758, январь.
32. Миллер Г.-Ф. О ландкартах, касающихся до Российского государства. Сочинения и переводы, СПб., 1764, декабрь.
33. Миллер Г.-Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов. СПб., 1791.
34. Миллер Г.-Ф. История Сибири, т. I. М.—Л., 1937.
35. Морской атлас. Указатель географических названий, т. I. 1952.
36. Новицкий Григорий. Краткое описание о народе остячком. 1715. Новосибирск, 1941.
37. Оглоблин Н. Н. Две сказки Владимира Атласова. ЧОИДР, кн. 3, 1891.
38. Отчет Московского публичного и Румянцевского музея за 1879—1882 гг. М., 1884.
39. Попов Н. А. Татищев и его время. М., 1861.
40. Радлов В. В. Сибирские древности, I, вып. 2. СПб., 1888.
41. Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию. Сочинения, т. X, М., 1959.
42. Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950.
43. Татищев В. Н. История Российская, т. I. М.—Л., 1962.
44. Шмидт А. В. Археологическое изучение древностей Севера СССР. Финно-угорский сборник, № 15, Л., 1928.
45. Экспедиция Беринга. Сб. документов, подготовленных к печати А. Покровским, М., 1941.
46. Alethophilus. Der Innere und äussere Zustand derer Schwedischen Gefangenen in Russland. Franckfurt und Leipzig, 1718—1720.
47. Anper G. Svenska Adelns Ättar—Taflar, Bd. IV. Stockholm, 1864.
48. Bibliothèque Germanique, t. 18. Amsterdam, 1729.
49. Biographiskt Lexicon öfver namnkunnige svenska män. Sextonde Bandet, Upsala, 1849.
50. Cahen G. Histoire des relations de la Russie avec Chine sous Pierre le Grand. Paris. Bibliographie.
51. Cordt B. Ein Brief Ph. Joh. von Strahlenberg's. Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat., Bd. XIII. Dorpat., 1888.
52. Gmelin J.-G. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. Erster Theil. Göttingen, 1751.

53. Der allerneuste Staat von Sibirien einer grossen und zufoer wenig bekannten Moscovitischen Provinz in Asien. Nürnberg. 1725.
  54. Hämäläinen A. Nachrichten der nach Sibirien verschickten Offiziere Karls XII. Journal de la Société finno-ougrienne, XLIX, Helsingki, 1937—1938.
  55. Histoire généalogique des Tatars. A Leyde, 1726.
  56. Isnard A. Joseph Nicolas Delisle. Bulletin du Comité des travaux historiques et scientifiques. Section de géographie, t. XXX, Paris, 1915.
  57. Messerschmidt D.-G. Forschungsreise durch Sibirien, 1720—1727. Theil I. Berlin, 1762.
  58. Müller G.-F. Sammlung russischer Geschichte, t. IX. SPb., 1764.
  59. Müller J.-B. Das Leben und die Gewohnheiten der Ostiacken, eines Volcks, das bis unter dem Pölo arctico wohnt. Franckfurt, 1724.
  60. Nordenskjöld A.-E. Periplus. Stockholm, 1897.
  61. Oumont H. Lettres de J.-N. Delisle au comte de Maurepas et à l'abbé Bignon sur ses travaux géographiques en Russie (1726—1730). Bull. de la Section de géographie du Comité des travaux historiques et scientifiques, t. XXXII. Paris, 1917—1918.
  62. Weber Ch.-F. Das veränderte Russland. Franckfurt, 1724.
  63. Winter E. Die Briefe von Pallas an J. A. Euler, Lomonosov, Schlözer, Pallas. Berlin, 1962.
  64. Witsen N. Noord en Oost Tatarye. Amsterdam. 1705.
  65. Wreech K. F. Wahrhaffte und umständliche Historie von denen schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien. Sorau, 1725.
-

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Шведские пленные в Сибири и их работы по исследованию страны	7
Ф.-И. Табберт фон Страленберг	25
Карта России и «Великой Татарии»	47
Северная и восточная части Европы и Азии	70
Литература	91

Мария Григорьевна Новлянская
ФИЛИПП ИОГАНН СТРАЛЕНБЕРГ

Утверждено к печати
Редколлегией научно-биографической серии
Академии наук СССР

Редактор издательства *Р. К. Павле*
Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *О. А. Можеева*
Корректоры *А. А. Гинзбург, Н. И. Журавлева*
и *Г. И. Яковлева*

Сдано в набор 13/XII 1965 г.

Подписано к печати 17/II 1966 г.

РИСО АН СССР № 25 — 17В.

Формат бумаги $84 \times 108\frac{1}{32}$. Бум. л. $1\frac{9}{16}$.

Печ. л. 3 + 1 вкл. ($\frac{1}{8}$ л. л.) = 5,25 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 5.15.

Изд. № 2891. Тип. зак. № 647. М-27562. Тираж 7000.

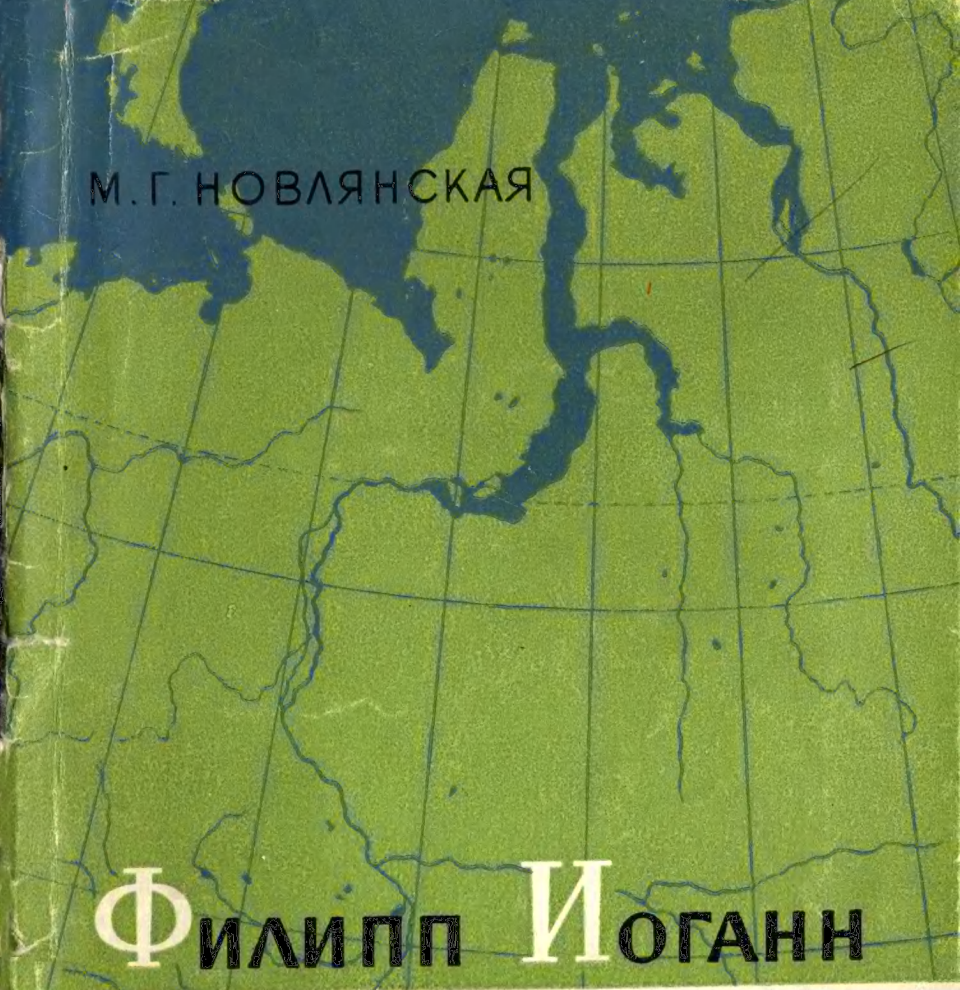
Бумага типографская № 1

Цена 29 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34,
9 линия, д. 12

М. Г. НОВЛЯНСКАЯ

Филипп Иоганн

СТРАЛЕНБЕРГ

29 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
« НАУКА »